

АНДРЕЙ ШУМ

ВЕЛЛОЭНС

ВОСХОЖДЕНИЕ

Андрей Шум

Веллоэнс. Восхождение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22471146

ISBN 9785448358753

Аннотация

Юный волхв Авенир сбегает из Академии магии, подчинившись забытому всеми неведомому божеству. Доверившийся внутреннему голосу, истязаемый сомнениями и страхами, юноша направляется в Веллоэнс – легендарное Царство. Встретив единомышленников, он отправляется в далекий путь в поисках своего предназначения. В дороге молодой волхв узнает, что является частью древнего пророчества, рекущего о временах великой скорби для всего живущего.

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1. Пробуждение	7
Глава 2. Время перемен	20
Глава 3. Служба	33
Глава 4. Время перемен	44
Глава 5. Встреча	55
Глава 6. Лекция	64
Глава 7. Цейрихенгль	72
Глава 8. Каган	83
Глава 9. Тангир	103
Глава 10. Ригур	122
Глава 11. Хижина	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Веллоэнс. Восхождение

Андрей Шум

© Андрей Шум, 2016

© Юлия Ольшевская, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-5875-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Пролог

Медные настенные жирники лениво мерцают, освещая стены угрюмой неприветливой кельи. На буром кирпиче подрагивают тени, воздух холоден, пахнет тиной и серой.

Теграмтон высыпал в огонь священный ладан, прошептал Слово. Взвилось сизое облачко и затхлость помещения отступила – терпкий запах дыма отрезвлял сознание, бодрил.

Возвышающиеся близ жертвенника полукруглые, обрамленные золотом врата вайгара, блеснули молниями. Заскрежетало – створки медленно, словно нехотя, открыли проход в мир смертных.

Запертый в клетке дракон оживился. Черная шкура подернулась, пластины затерлись друг о друга, издавая неприятный стрекот. Зверь вперил в служителя горящий синевой взгляд:

– Зачем? Путь в обитель богов закроется для тебя навечно – тебе не суждено воскреснуть еще раз.

Хранитель не отвечал. Монашья роба из верблюжьего волоса скрывала его с головы до пят, виднелись только перевязанные кисти рук – трофей Теграмтона от прошлой встречи с Ишгаром.

– Я решил.

– Роль в мире смертных обозначится картой. Зачем позволять случайности определять свою судьбу?

Человек обернулся к дракону. Тот с ненавистью смотрел в лицо, хотя каждую секунду испытывал обжигающую боль от того, что скрывалось под капюшоном.

– Тебе ли говорить про случайности, Клятвопреступник?

Хранитель наклонился к жертвеннику. Пламя сошло, на краснеющих углях лежала небольшая пластина. Пальцы коснулись ничуть не нагретой, даже охлаждающей руку, стали. На карте переливалось огненными резами изображение пробитого черепа.

– Случайностей не бывает, Ишгар. Ты знаешь, что всем правит Древний, —Теграмтона унесло в иссиня-черную мглу вайгара.

Глава 1. Пробуждение

В дальней комнате убогого домика на разошедшейся перекошенной кровати лежал путник. С первого взгляда можно понять, что не отсюда. Сандалии, хоть и не отличаются убранством и изящностью, но испещрены витиеватыми узорами, едва пробивавшимися через налипшую толщу грязи. Особо привлекает внимание накидка. Широкий капюшон открывает часть лица, светлого и худощавого, на уровне плеч изящные завязки проходят через медные кольца ефода, сплетаются на груди в затейливый узел. К низу накидка расширялась в теплый плащ, переливающийся мягкой синевой – так выглядит небо в полдень, когда летний зной еще не наступил, а прохладное утро уже унеслось прочь, по канве вьётся меандровый узор из серебряных нитей.

Остальные вещи никак не указывали на принадлежность путника к знати. Ноги обнимают кюлоты из тонкой шерсти. Потертый серозеленый ефод с множеством карманов спускается почти до колен, подвязан светлым кожаным ремнем.

На полу, подле топчана, скособочилась дорожная сумка. Из грубо выделанной бычьей кожи, с блестящими медными кольцами и широким наплечным ремнем. Такие сумки нравились торговцам и писцам – удобны для дневного запаса меди и писчих принадлежностей – пера и папирусной бумаги. Внутри сумка выделана нежнейшей телячьей кожей и про-

шита двойными жилами.

Солнечные лучи пробрались через оконце и ласкали уголок черной, потрескавшейся от времени книги, безмятежно выглядывающей из своей небольшой тюрьмы...

Странник зевнул, разлепил сонные веки. Взгляд его – мутный, неподвижный, устремленный вдаль, просветлел. Парень ощупал голову – за ухом вздулась шишка, ужасно зудела, а от лёгкого прикосновения перед глазами вспыхивали цветастые круги:

– Я жив... Что же было? Погоня? Да, точно. – Юноша ухмыльнулся. – Чародеи лишь приложили меня жезлом, неслабо вышло. Даже сознание потерял. Неужто такая погоня из-за ветхой книжонки и пылящегося под колпаком лазурита?

Торопиться было некуда – опасность миновала и вдоволь выспавшийся Авенир принялся восстанавливать в памяти прошлую жизнь. В Академии вставали до рассвета, выполняли хозяйственную работу и отправлялись на учебные ветви. Дисциплин – великое множество, в каждой школе – особые предметы. В сознании, ещё замутнённом, но вполне человеческом, проплывают образы прошлого, складываются в одну нестройную картину.

Когда Авениру исполнилось шесть, отец отдал – а может, продал? – его забредшему в селение чародею. Была ли жива мать? Её он вспомнить не мог. Чародей оказался одним из верховных ясновидцев Академии – таинственной обители на краю Первой земли, за отрогами Железных Гор. Авенира

определили в ветвь Летаа – сложнейшее направление, преподаваемое в Великой Башне. И скучнейшее. Остальные даги – так называется первая ступень посвящения – осваивали магическую защиту, ставили гремучие, огненные и каменные плети, металы в чучела разноцветными шарами. Ну а воспитанники Башни под неустанным бдением старцев вгрызались в горы пергамента и зубрили витиеватые схемы. Отдыхали на софистике и ясновидении. Полеты мыслей, первопричины решений осваивались в замудренных беседах, вопросах, ломающих логику, историях со смыслом.

Первую ступень осваивали за семь-восемь лет, после экзамена ученик становился вектиром. За стенами Академии тоже есть свои вектиры, но это лишь название целителей и философов. Вектир Академии кроме истории и целительства приступал к изучению алхимии, симпатии и инженерного дела. А также от магической защиты, плетей и шаров переходил к углубленному изучению атакующей магии.

Но не воспитанники Великой Башни. Эти оставались в дагах на десять-двенадцать лет, зато осваивали вторую ступень за год, вместо привычных трёх, и сразу получали браслет мастера с изумрудом, вместо агатового кольца триноя. Суть последних четырех ступеней хранилась в тайне и открывалась лишь особо даровитым мастерам.

Он задержался в дагах на девять лет. Ему предстоял экзамен – турнир на Синем Плато, в котором из трехсот состязающихся всего сотня допускалась к посвящению. Остальные

весь следующий вит подсобничали – собирали травы, кристаллы, заготавливали материалы для магических приспособлений – волшебного зелья, посохов, свитков – и прочей утвари. Они могли учиться дальше, но чародействовать до сдачи экзамена настрого запрещалось. Авенир так разволновался, что напрочь позабыл все заклинания, не сумев произнести перед комиссией ничего удобовразумительного. Он стал подсобником и застрял в дагах ещё на два года – пусть даже учителя и убеждали выйти на Плато. Новоиспеченный волхв не тратил времени на разговоры, будучи погружен в мысли о родителях, судьбе, смысле бытия.

Он злился, что всё решили за него – частенько подумывал о побеге, но дальше мечтаний дело не шло. По слухам не то, что проникнуть – даже найти Академию сложно. Беглецы гибли в горах, теряли разум. Да и что там, в мире? Неизвестность пугала.

Однажды чаровник увлекся этой ветхой книгой. Читать здесь не запрещали, даже наоборот – поощряли интерес к молчаливым мудрецам... Ветхий томик скучал в библиотеке на полке доисторического письма – первых попыток человека найти себе покровителя. В книге описывалось одно божество, Шаадай, в переводе – Древний, Единый, Высший. Когда кто-нибудь хотел сказать о прописной истине или бессмыслице, так и говорил «в уставе древнего писано». Высший не требовал беспрекословного подчинения – а это ведь неотъемлемая часть каждого бога. Странно, как мог человек

придумать себе такого покровителя?

Каждый поклоняться своему богу. Воины – Акрону или Морриган, крестьяне – Гроумиту, воры и торговцы – Форту (его еще кличут Тунием) и так далее. Даже примитивные зеленокожие агги, хоть и чттили одного Шаара, но никогда не приписывали ему слабостей. Бог должен явить свое могущество, призвать к жертве, наделить силой... А этот человеческих жертв не требовал – значит, сильно человека любил. Так ведь деревенскому пню понятно, что любовь – это слабость и божество не может любить человека – только жалеть, как глупое и увечное существо.

Это ладно, можно простить такие ошибки. Но книга ожидала в его руках – этим она отличалась от других. Страницы могли неожиданно опустеть, каждый раз выдавали новые письма и рисунки, часть листов пустовала. Авенир захотел разобраться, но его всё время отвлекало подсобничество и учение. Однажды книга показала ему заклинание воздушной сферы. Чародействование влекло наказание...

Полет мыслей нарушили крики с улицы. Он осторожно привстал с кровати и выглянул в окно. В придорожной пыли катались, сцепившись, два деревенских пацана.

– Бей! В нос! Давай! – дерущихся окружила толпа детей, раздавались звонкие вопли, хлопки, крики.

Крупный мальчишка завалил тощего, уселся на грудь, придавил коленями. Кулаки поднимались медленно, да и поверженный противник извивался как скользкая серая гюрза.

Авениру задела такая несправедливость. Он схватил сумку и вышел из своего убежища.

– Эй, мелюзга, кончай представление. Толстый скоро погрёт с натуги – и так воняет, аки хряк в свинарне.

Детвора удивленно разглядывала незнакомца. Путники в этом селении редки, да и выглядят не как привычные всадники из Глентлея. Невысокий русый парнишка принялся сбивчиво объяснять:

– Он сам виноват. Украл медяки из школьной шкатулки. А нас потом всех застегают. Крот на смотре и узрел, как Тайрин крался сзади дома с мешком. Подлец его ударил.

Парень покраснел – видно удар пришелся по весьма чувствительному месту:

– Крот сказал всё нам. Мы его нашли. Он прятался на сеновале. Надо наказать, чтобы не лез больше.

– Вы его и так прилично наказали. Хватит.

Авенир потеснил толпу, помог тощему встать:

– Значит, школа. И учителей хватает?

– Остались только Старый Дон и Каст Генри. Еще староста учит.

– Ясно, тут и староста есть. Проводишь меня к нему. А вы верните деньги в школу. Уразумели?

Детвора закивала. Авенир с вором-неудачником зашагали к старостату. Волхв мельком присматривался. Многие дома покосились, заборов не было. У редкой избы суетился пёс, люди оглядывались на чужака с опаской, женщины закрыв

лицо, скрывались в домах. Попытался подойти пьяный мужик, но запутался в собственных ногах, плюхнулся в корыто помоев.

«Кого-то они напоминают» – парень напряг извилины. – «Дети одинаково одеты, женщины прячутся. Хотя, как же ещё? Во всех поселениях традиции сходны и чтутся веками».

Старостат – высокий и красивый дом в два яруса был, пожалуй, единственным сооружением не из дерева. Стены выкрашены синим, в окнах переливается мутное кварцевое стекло. Казалось, что когда разруха гуляла по деревне, то обошла здание стороной. На заборе крепилась табличка с восьмиугольником – символом Гроумита. Авенир с Тайрином с усилием отворили тугую крепко прилаженную к забору калитку.

Староста Роуэльд плюхнулся в уютное широкое кресло и подумал о том, что ему хотелось бы сейчас жареных грибов и свежего сливового соку. В дыхании давно появился сладковато-кислый привкус – больной желудок вкупе с возрастом заявляли о себе часто и громко. В свои семьдесят два староста выглядел на все девяносто – сказалось беспокойное прошлое. Да, почти никто из соратников не дожил до этого времени – а как бы хотелось пропустить чарку-другую, вспомнить удалые года, когда чувства были острее, а жизнь текла

стремительно...

Дремы прервал решительный стук в дверь.

Старик вздрогнул.

«Эх, и кого принесло в такую рань? Неужто опять какого-то мужика, с вечера напившегося льняного самогону, замучила совесть и он приполз жаловаться на несчастное житие?»

Снова раздался стук.

Роуэльд кряхтя, переваливаясь с боку на бок, проковылял к двери, открыл смотровое. На пороге стояли здешний постреленок и молодой незнакомец в странном одеянии.

– Кто ж это пожаловал ко мне в гости?

– Впустите, голова. К вам тут человек пришел. Про школу спрашивал.

– Да вижу, что не зверь.

Щелкнул затвор и тяжелая исцарапанная дверь бесшумно открылась.

– Входите. Есть хотите? Молодчатка ведь всегда голодна? За столом и беседа лучше идёт.

Из глубины дома пахнуло теплом и уютом. Широкий вход ведёт в гостиную, на стенах спят картины, в подставках мирно горят свечи.

Роуэльд усадил гостей за стол. Глубокие уютные кресла меньше всего походили на обеденные стулья. В Академии такой роскоши не было – все сидели на твердых неудобных лавках, еда хоть и была вкусной, но казалась ненастоящей –

видать, маги-повара не сильно заботились о желудках дагов. Раздумья прервал аромат, доносившийся с кухни. Запах густ – можно почерпнуть ложкой и запихать в рот. В животе съежилось, Авенир ощутил невероятный голод. На столе появились жареные куропатки, котелок с галушками, ячменные лепешки и плоска сметано-чесночной намазки.

– Налегайте от души. Я позавтракал уже. Разве что почаевничаю с вами.

Нечасто этот дом видел подобное чревоугодьё. Первыми исчезли куропатки. Хрустя зажаристой корочкой, обсасывая жирные пальцы и почерпывая лепешкой намазку, гости приговорили птичек. На очереди стояли галушки. Их уплетали не так бодро, но огонек в глазах ещё горел. Когда староста внёс чайник, гости неторопливо макали лепешки в остатки намазки.

– Да уж, правду говорят, что еда это зло. Делает людей ленивыми. Делать ничего не хотят, лишь бы поспать.

Тайрин расплылся в улыбке, глаза сыто блестели:

– А раз вы нас накормили, значитца, вы – главный злодей!

– Вот юнцы то пошли, остроязы – проскрипел Роуэльд и принялся разливать дымящийся напиток.

«Незлбно проскрипел», – подумал Авенир. – «По-доброму так. Как любимый томик по зверобытию».

– Про школу спрашивал. Стало быть, учить надумал? – уже за чаркой терпкого напитка спросил староста, – а в каких сведущ науках? Молод ты для ученого ума. В такую по-

ру юноши мыслят о богатстве, славе да теплых объятиях заботливых кармилитянок. Да и что знания? Опыт дороже.

– Ваша правда. Мыслить о девицах, тугих кошельках и почетном месте приятно, – Авенир почесал щеку. – Да вот в желудке от этих дрем не прибавляется. Наследства богато того мне Фортуний не принес, известности тоже – всё что имею, ношу с собой.

Юноша переборол накатывающую дрему:

– Я знаю зверовзросление, полевое хозяйство и сруб жилья.

Голос Авенира стал серьезным:

– Могу работать в поле и на стойлах.

– Ишь ты, бойкий какой!

Роуэльд крикнул от напористости парня:

– Нечасто я таких дошлых встречал. Добр будь, для начала хватит с тебя поля. Как раз пахота подошла. Мы, потомки амишей, ко всем новым относимся настороженно. Учить пока не позволю – и сам не серчай, коли привечать не будут. Для житья выбирай любой дом. Стукнул в дверь – ежели не откликаются, заходи и хозяйствуй. Четыре десятка назад джунгары набегали, Гроумит их дери, так почти всю деревню вырезали. Животины у нас немного, управляемся. А вот на поля рук не хватает. Школа... – старик потеревбил широкий, изъетый угрями, нос. – Некого у нас учить. Коли ученье полезное – применяй, если у люда интерес проснется, обучишь.

Разговор потек дальше. Так же, как и ароматный чай, кочевавший из чашек в желудки, наполняя естество человеческое теплом и покоем.

Пахать в поле тяжело. Весенний снег сошел недавно, земля сырая, грузная. Вздабривать такую – рабский труд. Вот только не убежать от него, не обойти, не обогнуть никак. Для семени должно подготовить участок, чтобы приняла земля маленьких гостей в недра, потчевала и нежила их своими благами. Нальются тогда силой и соком посеянные малыши, дадут росток, затем колос, а в колосе полное зерно, напитанное солнечным светом, небесной влагой и природной крепостью. И будет человеку пища от даров земли. Не зря терпел он труды и муки, не зря отдавал последнее с зимы пропитание. Да и земле придет облегчение от ноши своей. Сможет она спокойно уходить на долгий сон в конце осени, собирать силы для следующей вспашки.

«Летопись о сеянии и страде. Величаво», – Авенир поднял голову, щурясь от яркого солнца, посмотрел на проплывавшие облака. Эх, до чего же хорошо. Он обосновался в том самом доме, с которого начался его здешний путь. Местная детвора растрезвонила о пришельце на всё поселение и местные – то ли желая познакомиться поближе, то ли от доброты душевной – помогли восстановить и убрать новые хоромы. Уже второй октар он жил в деревне, просыпаясь от каждого шороха и звука, боясь преследователей – но о нём будто по-

забыли. Солнечные лучи, яркие и теплые, назойливо отвлекали от работы. В прежней обители свет больше напоминал лунную ночь. Когда не хватало, зажигали большие сферы. Насколько бы не силилась луна, а до солнечного ей мощей никогда не хватит. Мыслеход прервал бычок Доха, который, желая передохнуть, заупрямился и стопорнул плуг.

– Эй, осел с рогами, чего встал?

Авенир ткнул животное рожном:

– Давай-давай, передвигай копытами. Тебе баланду тоже отрабатывать надо. Жрать все любят.

Животное обидно промычало и поплелось дальше.

– Думаешь, незнакомцу можно доверять?

Худошавый, прямой, в черной рубаше и монокле, мужчина степенно поправил редкую шевелюру, закрутил длинный седой ус.

Друзья чаёвничали на веранде старостата, стуча фигурками по потертой игровой доске.

– Юноша умен и, возможно, очень хитр, – ответил Роуэльд, – он сильно отличается от нас. Но я ему доверяю.

– Работать по двенадцать часов кряду без отдыха, да еще на палящем солнце – даже бывалый пахарь не вытянет, – гнул свою линию Старый Дон. – Парень не похож на сильного закаленного мужчину. Он появился неизвестно откуда, не похож ни на одного из ближних мест. Ты не боишься, что он – бездушный, соглядатай?

– Ну, много работать – это не смертный грех. А выводить у нас нечего, – староста прихлебнул чаю. – Общине его труд на пользу. Спорить не стану – мы не знаем, откуда он. Но помнишь, что написано в уставе древних? «Через стран-нолюбие, не ведая того, приняли Посланников». Надлежит нам оказывать расположение пришедшим путникам. Авенир не таков, как мы – но это ещё не делает его опасным. К тому же, старостат надёжен, да и за звонницей ухаживают, как следуют.

– Это меня успокаивает, – проворчал Дон, – вот только все равно надо держать нос по ветру. Я буду присматривать за ним.

Старик протер монокль:

– Твой ход, художник. Из этой комбинации тебе не вы-браться.

– Да тыж сама коварность, – с усмешкой скрипнул Роуэльд, – но ниче, я тебе шас усы-то позакручу. И в моих амбарах солома еще имеется.

Глава 2. Время перемен

Кайрат Хеминс запер кабинет и подошел к столу. Резной дубовый гигант итальянской «Медеи» видал на своем веку многое. Директор купил его семь лет назад и привязался к молчаливому другу.

– Если выиграем дело, я заберу тебя в новый офис, – мужчина любовно провел ладонью по поверхности, – если мы сможем... Ты представляешь?

Хеминс подошел к окну, оперся руками о подоконник и прислонился лбом к биопласту. Ноги стали ватными, тело объяла мелкая неприятная дрожь. Дышал он часто и неглубоко, шея покрылась испариной. Сознание никак не успокаивалось, кидалось от одного к другому, перебирало варианты, вспоминало факты, то проваливалось в прошлое, то устремлялось в будущее. За свои тридцать четыре года герр испытал многое: приобрел влиятельных друзей, поборол смертельную болезнь, пережил предательство и развод, добился почетного поста в «Экостарс». Настал переломный момент – компания могла выйти на мировой уровень влияния. Нужно только выиграть дело. Получить одобрение на запуск «Двулуны». Тогда будет шанс избежать второй волны катаклизм.

«А может, все зря? Если Первая Лига Островов отклонит заявку?»

Кайрат налил из хрустального графина стакан бодрящей настойки и залпом осушил. Подумал и налил ещё. Ум прояснел, мысли пошли живее.

– Так, через два дня итоговое слушание. Я успею подсобить сил, подопру алчных чинуш к стенке и сорву банк. Соберись Кай, все играет тебе на руку.

Мужчина открыл дверцу стола и набрал код. Днище разошлось, рука извлекла из тайника рубин в золотой оправе.

– Образец ПМ-2.0.4, – Директор устало улыбнулся и сжал медальон в ладони, – ты-то мне и поможешь...

Выдался день, когда работы для Авенира не было (Роуэльд настоял на том, чтобы юноша устроил себе отдых и под страхом страшной, жестокой и мучительной смерти запретил ему появляться на посевной). Летнее утро, солнце нежно греет воздух, и белесая дымка тумана мягко тает, лениво открывая нежные ростки молодой зелени.

В открытое окно пахнул аромат лесной травы и первоцвета. Вся природа говорит, что сегодня стоит посетить озеро...

Детвора Авенира полюбила. Недолгие свободные от работы и книг (потерял память, а любовь к чтению не утратил) минуты он уделял ребятам. Рассказывал истории, делился знаниями о травах и земле. Вот и сейчас, обсохнув и согревшись после купания, юноша оказался в окружении горящих интересом глаз.

– Расскажи нам что-нибудь... Ну что-нибудь... Ну пожалстааа...

– Хоро-о-шо-о, – зевая, протянул юноша. Несколько месяцев тяжелой работы, свежего воздуха и хорошей еды, которой щедро делились местные, благотворно сказались на его внешнем виде. Ноги наполнились крепостью, плечи походили на мельничные крылья, а руки покрылись тугими жилами. Природная худоба смягчала мужественный облик, придавала фигуре стройность и изящность.

– В этот раз расскажу притчу о братьях, которые могли изменить мир.

– А почему не изменили? – хором воскликнула детвора.

– А потому что это вы узнаете в конце истории, если будете внимательно слушать...

«Их было четверо. Четверо братьев-марлийцев. Редко удается встретить представителей их расы. Племя воинственно и многие из них пали в битвах. За гордость, непреклонность и прямоту были они ишлом в паху многим нечистым на руку, за что их и в мирное время перебивали, травили и всячески притесняли. Кроме того, исполняли марлийцы очень странный обет – одна женищина на всю жизнь и только из своего рода. Видимо, еще и из-за этого они немногочисленны, а впрочем...

Так вот. Четверо дружных мужчин жили в земле Уц. Просторная глиняная хижина, удобные травяные цинов-

ки и маленькая кухня за домом. Старший брат, Эндиар, был пламенным, вздорным человеком. Только слово скажи – даст по думке, чем под руку попадет. Часто можно его видеть на кулачных боях, много дрался, много людей побил, много и сам получил по шее за недолгие двадцать шесть весен.

Средний, Кельмау, жесток и расчетлив. Воды в озере не допросишься. Любимое дело – считать оболочки в сундуках, да листать долговой пергамент. Ни на день не продлит обязанное по долгу – сразу отправит в тюремный дом. Все делал из личной выгоды, стремился получить для себя лучшее.

Младших же, Айя и Дита, отличало небывалое по их годам, остроумие и интерес к жизни. Чурбаны тополиные были в сравнении с ними активными дельцами. День и ночь слонялись они по базарной площади, ища, куда бы приспособить удаль молодецкую. Эх, не одарил их Мардук светом в голове, гулял там один лишь ветер.

Было ли в них что хорошее? Наверное, было. Только вот сказание об этом умалчивает.

Напала как-то на братьев кручина угрюмая. Жизнь не сладкая. Да и как можно радоваться, когда весь народ на тебя зуб точит? Горевали, горевали и стали размышлять, как бы им любовь народа, да уважение заработать? Пошли к мудрецу Талдузу, что жил на отшибе селения, в каменном гроте.

Изложили горе. Старец долго думал, смотрел на облака,

чертил что-то на песке и пыхтел под нос. Затем поднял голову и, неторопясь, рек:

– Трудна ваша нужда, не могу я вам помочь. Живет за ископовой долиной возле Синей горы мой учитель, великий маг. К нему обратитесь за помощью. Я же поделюсь с вами лишь одним советом – река времени точит сердце.

Пошли ходатаи к великому магу. Кумран сидел у входа своей лачуги, перебирал косточки на ожерелье и смотрел вдаль. Лицом жёлт, станом худ, в длинном синем балахоне. Его брови были седые и тяжёлые, братьям показалось, что если тронуть их, то рассыплются от ветхости.

– Знаю, зачем пришли. Дал ли вам мой ученик совет?

– Дал, – ответили братья. – Вот только не хватает у нас мудрости понять его. Да и не помог он этим, к тебе отправил.

– Стало быть, так. Помогу я в вашей нужде, если исполните моё желание. И даже одарю особыми дарами. На вершине сей горы живет жемчужный грифон. Должен он мне перо вдохновения, огненный волос и ледяную слезу. Достаньте, тогда помогу.

Каким образом? – история умалчивает, но достали братья уговоренное. Руки-ноги поободрали, одежду поизорвали, а добрались до гнезда и с животинкой мирно договорились.

Сотворил Кумран снадобье и раздал братьям. Эндиару досталось зелье из слезы. Потушило оно пыл юноши и подарило силу управлять снегами.

Кельмау, получил ароматное масло из пера грифона. Натерся и ощутил в теле и душе необычайную легкость. Нахлынули на него волнами чувства милости, нежности и заботы. Даром же его стало чудное пение и способность летать. Как подумает о чем возвышенном, так и воспаряет ввысь.

Айю и Диту протянул Кумран порошок из волоса. Благо, волос толщиной с мизинец, обоим хватило. Прилила к сердцам их кровь, вострепетал дух и загорелся огонь жизни в глазах. Дана им сила управлять огнем и водой.

– Исполнил я свою часть уговора, – молвил старец, – но снадобьям разойтись надо по телу. Потому даю наказ – прежде, чем слово произнести, или дело сделать, время выждите, поразмыслите, силу грифонову воле вашей подчините. Иначе, еще худших дел, чем прежде, натворите. Помните совет Талдуза – река времени точит сердце.

– Спасибо, мудрец. Обязательно твой наказ исполним, – ответили юноши.

Вернулись братья в селение. Через несколько дней Эндиар собрался в путь. Захотел скрыться от людей, да обдумать свое бытие – что делать, как использовать дар? Простился с братьями и ушел в пустыню Гершет – люди не доберутся, никто не помешает, а прохладой дня он теперь не беден.

Кельмау, Ай и Дит остались втроем. Тянулись месяцы, а Эндиар не появлялся.

Заскучали братья. Кельмау тянул грустные рулады, по-

сматривал в окно, слегка покачиваясь на невидимом воздушном гамаке... Ай от скуки игрался с огнем. Язычок пламени случайно ухватил Дита за пятку. Тот обиделся на проказника и в отместку пролил ему на макушку чашу воды. Вспыхнула искра раздора и разожглась в пылкую ссору. Принялся было Кельмау их успокаивать, да поздно – взяла воля грифонова верх над юношами. Обратился гнев братьев на среднего – стали они его жечь огнем и топить водою. Улетел от них брат к Эндиару, но не было сил преодолеть жестокие пустынные ветра... Говорят, что Ай, Дит и Кельмау умерли, а Эндиар, узнав об их кончине, озлобился, выпустил в душу демонов и стал Повелителем льдов. Отныне жгучие пески Гершета сосуществуют с льдами Эндиарского Царства – и человек обходит те места стороной.

Не нужно было им принимать дары от мудреца, поторопились. Хотели, чтобы снадобья изменили характер. Но лишь река времени точит сердце».

Ребятишки слушали, затаив дыхание. Как жалко Кельмау. Как глупы Ай и Дит. Каким чуждым стал Эндиар...

Тишину прервал смущенный голос.

– У меня вопрос? – Тайрин уставился на Авенира. – А что такое оболы?

– Ну... это то же, за что Крот весной получил от маленького воришки по развилке.

Урожай удался. Пшеничные и ячменные поля как жёлтое море, волнующееся от порывов ветра. Картофель уродился крупный – с добрый мужицкий кулак, – и таких кулаков с каждого куста по шесть штук. Скоро предстоит жатва и вся деревня тщательно готовится к этому времени – точат косы, поправляют плуги, заделывают прорехи в амбарах. Пора эта тяжелая, но радостная. И чем больше радости пришло на поле, тем тяжелее работа...

Авенир постучал в массивную дверь. Как-то не по себе ему становится, когда входит в старостат – жильё старого Роуэльда. Откуда в бедной деревушке такое здание? Да и кому в голову пришло возводить его здесь?

– Ну что ж ты как не свой? – знакомый скрипучий голос рассеял мысленный туман, – входи, уж не заперто.

Староста развалился в дубовом кресле и потягивал ароматный чай. Неподалеку на табурете примостился Старый Дон.

Роуэльд отставил чашку, приосанился:

– Есть к тебе разговор. Да садись, мнешься как чужой, правда. Для начала хочу поблагодарить за работу. Столько урожая наша деревня не видела уже давно. Твои... эти, как их там... сдобры и рядосев – просто чудеса творят. Теперь и самим запасов на год хватит, и для посевной прилично останется. Да и на ярмарке продадим телеги три, не меньше. Много ты нам нового показал, где ж тебя только учили? Ну ладно, не это самое важное. Так, вот, – староста подался

вперед, – сейчас набирают молодняк в имперскую стражу. Мы думаем, что тебе нужно туда напроситься. Платят хорошо, казармы удобные, да и жизнь поинтереснее, чем в наших развалинах. Старый Дон отправил прошение...

Староста ущипнул бороду.

– Теперича принесли разрешительное письмо. Так что, можешь собираться для похода в Глинтлей, коли не противна тебе ратная служба. Там и жену хорошую найдешь, здесь-то девок немного. И хоромы приличные после службы дадут. Отправляться через две недели с нашими телегами.

Нир уставился на чашку с медом, рука заерзала на подлокотнике:

– Зачем мне туда идти? Что-то случилось?

– Ты молод и силен, – Старый Дон поправил пенсне, – кроме того, в твоих глазах светится ум, явно превосходящий возраст. Ты можешь многого достичь... но в ином месте. Деревня полюбила тебя, как одного из нас. Но канон...

Будет лучше, если ты сможешь стать кем-то, а не прожить всю жизнь на одном месте, закопав свои умения. Пока нет возлюбленной и детей, можно увидеть мир, что-то сделать для него. Ты помог нам с урожаем – это уже многое. Но держать тебя здесь ради нашей выгоды – значит, закопать твои таланты в крестьянской судьбине, а это в высшей степени нечестно.

В комнате зависло напряжение. Роуэльд спокойно попивал чай, Авенир сидел, перекатывая по столу цветастый пря-

ник.

Дон понимающе потрепал юношу по плечу:

– Можешь не отвечать сразу. Подумай. Решение придет изнутри и всякие колебания исчезнут. Твой возраст – время окольниковства по нашему канону. После службы можешь вернуться.

Старик взял трость и неспешно поднялся:

– Как говорили древние: «назначь стезю ноге и путь твой да будет прямым». До встречи, друзья мои.

Мужчина накинул плащ и, не оглядываясь, вышел из старостата.

Роуэльд с Авениром остались сидеть за столом, время от времени поднося ко рту чашки с горячей ароматной жидкостью. Для юноши путешествие грозит чем-то страшным, неизведанным. Только перестал просыпаться в холодном поту после побега, только приспособился к деревенской жизни, только подправил дом, только, только, только... Не нравились ему эти «только». Будто кто-то настойчиво подталкивает вперёд, не дает остановиться, передохнуть, понять – что, где и как.

Староста терпеливо ждал. Для Авенира это предложение непонятно, как беспричинная пощечина от любимой – страсть это или ненависть, а жжёт одинаково. Роуэльд на своем веку повидал многое и над подобным вопросом даже не раздумывал бы. Юноша поднял глаза:

– А что вы мне посоветуете?

– Глинтлей – это место возможностей. И опасностей. – Старик пощипал бороду. – Тебе придется использовать всю сноровку. Коли извернешься, займешь достойное место. Советовать? Не мое это дело – брать на себя ответственность за чужую судьбу. Если б у меня была возможность вернуть молодые годы, не раздумывая, покинул деревню. У тебя есть выбор, в наше время такой радости Фортуний не принес...

– Вы о чем? – Авенир приподнял бровь.

– Ты слыхивал, что Старый Дон зовет меня художником? Я в ответ звал его корягой, но слишком уж ему досадно было, – Роуэльд ухмыльнулся, в голосе мелькнула нотка грусти. – Когда я был твоего возраста – то бишь полста лет назад, вместо разбитой прогнившей деревни здесь стоял красивый городок, Лиополь. Я тогда управлял знатной живописной. Раскрашивал по заказу комнаты, рисовал картины, изготавливал краски и масла, обучал подмастерьев и знатный люд. Мне это нравилось. Приступало время окольничества – каждый из общины его проходит. Два года, чтобы мир посмотреть, себя показать и выбрать – вернуться в Лиополь, или выйти из общины в мир иноверцев. Я рвался отсюда – мнил лет эдак через пять стать художником при Глинтлейском дворе. Но, увы, мечтам не суждено было сбыться.

На город налетели джунгары – свирепые воины, полулюди-полузвери. Почто они покинули степь? Никто не знает. В течение четырех лет они набегали на Лиополь и соседние

деревни, сжигали дома, убивали без разбору. Нужно было предпринять что-то для спасения, и я возглавил горстку выживших. Старый Дон был окольным, отслужил в Глинтлейской страже и мнил себя в будущем стоначальником, храбрым воином и мудрым стратегом. Он обещал защитить общину. После битвы его вытащили из руин кожевни в полумертвом состоянии – с переломанной ногой и без двух пальцев на левой руке. Спрятались вот в этом самом здании. Оно единственное уцелело после всех тех времен. Никто бы и не подумал, что забытый всеми, залепленный грязью коровник – на самом деле заколдованная крепость. Сколько свиномордые не пытались взять нас – таранами, поджогами, даже валунами закидывали – на доме лишь царапины. И, странное дело – и те исчезали! Как будто дом этот, как живое существо, которое само себя лечит. Осада прошла, мы же еще полтора месяца отсиживались – благо, погреб и нужник здесь безмерны. Когда вышли на свет, увидели, что все уничтожено.

Роуэльд затих, провалился в воспоминания. Потом вдруг встрепенулся:

– Гроумит их дери! Ничего не осталось. Даже пласт земли будто срезан. С тех пор худо-бедно отстроились, обжились. Я так и остался жить здесь, обустроил хоромы. Запасы сделал всевозможные и убежище народу – мало ль чего. Только земля стала поганая, порченная. Сколько золота истратил на лучших земличей! Много старались – ничего не смогли.

А ты смог. Дон тебя поначалу невзлюбил – заподозрил, что магией балуешься – мы чародеев не жалуем. А потом попри-
вык – увидел, что выгоды для себя не ищешь. Он такой – ра-
ди принципа хоть на вертел. Зрит в тебе свои несбывшиеся
мечты. А, как и я, впрочем. Выбор за тобой, нашего интере-
су тут нет – нам с корягой недолго на этой земле осталось...
Можешь жить здесь – и вся жизнь пройдет спокойно. Но кто
знает, что с тобой будет, если примешь вызов судьбы?

Глава 3. Служба

В исследовательском зале всю готовились к эксперименту. Олег Суховский, водопроводчик «Экостарс», выходец из бывшей Федерации, третий день был сам не свой. На работе – ругань. Дома – скандалы. Начальство поставило задачу провести охлаждение к найденному эпифакту в короткие сроки – нелегко это, вот и сдают нервы. Два месяца высоколобые ученые бьются с находкой – все подключили, настроили, проверили. А не работает. Не хватает чего-то. И на совещании какой-то умник двигает гипотезу, что надо бы атомной энергией попробовать. Вот и приходится подключать трубы, чтобы теплоносители не повзрывало.

Ночевали в лаборатории, трудились в три смены – и к сроку всё сделали, подогнули, заварили. Осталось только коллекторы настроить, да напор подрегулировать. Олег сидел под потолком на трубе из биопласта, внизу поблескивала находка. Изрезанный гранями куб, серого цвета с металлическим отливом, размером с литейный котёл прошлых веков. Литейный котёл. Давно, ещё в школе, учитель рассказывал, как раньше из-за этих устройств происходили несчастные случаи. После смены уставший пьяный работяга мог залезть в чан поспать, а с утра мужики, не проверив котел, пускали машину в дело. Бедняга даже голоса подать не успевал – в мгновение ока заливало расплавленной сталью.

В зал вошли двое. Первый росл, статен, одет в дорогой деловой костюм. Хеминс, глава компании. Второй – толстяк в синем рабочем халате, с большими старомодными очками и визгливым истеричным голосом. Это Гринвин, заведующий исследовательским отделом. Среди своих его иногда звали Гранитом, иногда Граненым. Одно прозвище за упертость, которая даже в мелочах зашкаливала за все мыслимые пределы. А второе... Что ж, любил дядя заложить за свой белый воротничок. Вот тебе и светило науки – с перегаром, какое лишь у праздных моряков бывает.

– Как проходит процесс раскодирования?

– Есть сложности. Мы добились от Рукиба отзывов на импульсы, но не можем просчитать его реакции и ответы. Грани передвигаются, но не дают искры. После запуска охлаждающей станции дадим сигнал сильнее.

– Когда запускают станцию? Я хочу присутствовать на пробуждении артефакта.

– Так... по документам... – руки ученого стали лихорадочно листать папку со схемами – по акту конец наладки и тестирования системы приходится на двадцать третье, ммм... апреля. Вот, подпись руководителя отдела.

– Сегодня уже двадцать пятое. Важно не допустить простоя – необходимо успеть в срок. Включайте ваш агрегат.

Работники зала собрались возле тестовой камеры. Рукиб был загадкой, ключом к качественно новому уровню компании в производств биоэнергенов. Эпифакт остался за за-

щитными пластинами. После загрузки параметров, настройки машины, Гринвин предложил Хеминсу щелкнуть переключатель запуска.

Рука директора уверенно нажала на тумблер. Раздался звук шумящей по трубам воды, и послышались глухие плевки низко-волновой пушки. Куб задрожал, темные полосы принялись переливаться тусклыми цветами. Вдруг, одна из граней сместилась и зазор засиял. Цвета становились ярче и скользили по эпифакту, в повторяющемся непонятном алгоритме. Из верхушки сверкнул луч. Часть светового потока рассеялась, обжигая трубы с водой, остатки поглотил биоэнергетный потолок. Одна из труб, не выдержав напора, треснула, с резким свистом вырвалась белесая струя пара. Испытание остановили, кинулись устранять повреждения. В пылу работы никто и не заметил исчезнувшего Суховского. Последние дни золоторукий водопроводчик был в скверном настроении, ни с кем не ладил – да еще аврал на работе. Кто знает, может дома сидит. Или напился с горя, с кем не бывает...

Полет мыслей от второго дня, десяти энамбелов, двести шестьдесят седьмого вета.

– В каждой истории заложен тайный смысл. Всё, что мы видим и переживаем, послано богами. Если научиться узнавать знаки судьбы, чувствовать их смысл и использовать

правильно, можно стать вестником Великой воли.

– Чьей?

– Тех богов, чьи посылы мы вмещаем в сердце.

– А если нет богов?

– Возможно ли такое? Как иначе мог быть явлен столь прекрасный мир... и ужасная дисгармония в нем? Ведь это боги враждуют один с другим, являя волю через вестников и стараясь переломить ход земной истории в свою пользу. Сами они... наверное, слишком ленивы или умны, чтобы выходить на открытую войну друг с другом. Для каждого бога раздор мира – лишь игра в военные шашки. Мы тоже ведь не задумываемся, что фигурки на игральной доске могут быть живыми, все чувствовать и переживать. Считаем, что они – лишь выточенная мастером мёртвая кость.

– А кто тогда мы? Зачем мы созданы – так гармонично начинаем и так печально заканчиваем этот переход в иное царство?

Гармония и война внутри – это две части целого. Земная природа повторяет эту круговерть всюду – день и ночь, рождение и смерть, холод и жара...

– Но есть ли что-то свыше этой непрестанной чехарды? Авенир Мес'о Дитроу.

Второй год службы подошёл к концу. Юнцы превратились

в неплохих воинов, сносно бились на мечах, изучили военную стратегию и по вечерам патрулировали Глинтлей, следя за порядком. Муштроваться осталось три года – после этого они смогут служить десяти и пятидесятиначальниками, стать помощниками имперских телохранителей, сопровождать торговые караваны, ведать имперской стражей.

Рихон плеснул в лицо ледяной воды из нефритовой, с серебряными пластинками, умывальни. До конца смены оставалось еще два часа и спать хотелось ужасно.

Свет факелов обнажил разговаривающую троицу, расположившуюся у главных ворот. На приблизившихся патрульных никто не обращал внимания.

– Городская стража, – представился Авенир, – что вы здесь делаете? По уставу Глинтлея ночью запрещено ходить под городскими стенами.

Один из мирян, грузный кеттин, в кожаных доспехах на голое тело, смерил их недружелюбным взором, с презрением разлепил толстые коричневые губы:

– Слышь, Эгит – господа дорогие хотят знать, по какому делу ты здесь околачиваешься? Не соблаговолишь ли дать ответ?

Второй – хлипкий смуглый азотянин – улыбнулся, обнажив щербину в верхнем ряде крупных, похожих на жемчужины, зубов.

– Как скажешь, Кабул, – Эгит развернулся к стражникам, – понимаете ли, кошка у нас живет дома, а так как мы

не смогли ее накормить, ведь мяса не осталось – вот и пошли мы, господа за мясом-то на рынок. А базарчик местный, ой батюшки, закрыт, не работает теперича – час поздний. А стена, тут же голуби, птицы всякие и крысочки бегают. Вот и хотим живности прибить, чтобы и зверушечку покормить – да и самим на супчик оставить. Крысочки – это ж наивкуснейшее мясо, не то, что в тавернах. Ой, господа, никто ж не знает, какую скотину ихние повара жарят – больную, старую, или не дай-то батюшка, мертвечинину ложать...

– Ерунду какую-то несут, – Рихон повернулся к Авениру, принялся нашёптывать – надо их в темницу, да доспросить – кажется мне, что они соглядатайствуют. Да и впрок им будет, чтобы Глинтлейский закон знали.

Обернулся к смуглому, грубо прикрикнул:

– Прекрати брехать. Все живо в советню, узнаем, за какими это вы крыска...

Парень зашатался и упал навзничь. Авенир обернулся, инстинктивно вжал голову в плечи. Щеку обожгло. Несколько секунд хватило, чтобы оценить происходящее. Пока они слушали треплю азотянина, третий бродяга, хунн, незаметно обошел патрульных и вырубил Рихона. Трое окружили Авенира – явно не уличные оборванцы.

– Ну что, господин хороший, – крупный злобно ухмылялся, – говорим же, за крысами охотимся. Такими, как ты.

Молодой воин посмотрел на лежащего соратника. Кровь побежала по жилам, мышцы инстинктивно напряглись.

В висках застучало, юноша ощутил, как гнев затмевает разум, притупляет мысль. Как смели они напасть на имперский патруль?

Услышал воинственный клич и удивленно понял, что сам кричит.

Авенир уклонился от стремительно летящего пернача, мгновенно развернулся и, что есть силы, саданул кулаком кеттину в ухо. Другой бродяга, хунн уже достал оружие и в одной руке держал такой же небольшой пернач – другая сжимала изогнутый черный клинок. Нир сделал ложный выпад мечом, захватил запястье врага, резко вывернул, выбив клинок из руки. Хунн не растерялся и саданул кулаком в лицо. Раздался хруст. Очухавшийся к этому времени кеттин схватил юношу.

– Имперская крыса попалась в ловушку, – Кабул сплюнул, – ну что, урод, до сих пор считаешь себя настоящим воином?

Пернач ударил под грудь. Дыхание сперло. Авенир, сжав зубы, дал каблуком сапога по ноге Кабула. Толстяк охнул и ослабил хватку. Вырвав руку, юноша послал ее в горло бродяге. Тот было отпрянул, но увернуться не успел – удар в кадык парализовал. Парень, тихо рыча, двинулся на азотянина. Неожиданно в глазах потемнело...

Стук сердца нещадно долбил по макушке. Юноша приоткрыл глаза и тусклое мерцание свечи обнажило пустую ком-

натенку. На топчане рядом сопел Рихон с перевязанной головой. В глазах все плыло, и сколько Авенир не напрягался, сосредоточиться не получалось.

Раздался низкий мужской голос:

– Очнулся? Хм, потерял столько крови и уже в себя пришел. Я думал, сутки откачивать придется. Ты лежи, отдыхай. И глаза закрой, так болеть меньше будет.

– Г-г-де я?

– Не на том свете, это самое главное. Драться с головорезами Тамила – как вообще прыти хватило? Даже бывалые воины этих отморожков опасаются.

– С-с-сами полезли.

– Хорошо я рядом был, успел. Надо будет в совете сказать, чтобы усилили обходы. Отдыхай, рекрут. Друг твой тоже очнется. А тебе повезло, мог бы лежать сейчас у стены с перерезанным горлом...

Авенир охнул от боли, сознание вновь провалилось во тьму.

– Тамильские тигры, значит, – лекарь скривился в ехидной улыбке, – встречался я с ними. Тебя действительно Фортуний охраняет. Их банды в свое время держали в страхе всю малую Верзелию. Кровожадные, подлые и хитрые твари. Они, знаешь ли, считают себя избранными, а тех, кто не с ни-

ми – помоями. В деле завоевания мира применяют все способы, даже самые низкие — тзачем к уродам, вроде нас, какое-то благородство проявлять. Да потерпи ты, воин все-таки.

Парень сидел, почти лежал, в цирюльничьем кресле. Рот распирали стальные скобы, не дававшие челюстям закрыться. Дарисс, имперский лекарь – высокий, с женскими чертами лица и тонким голосом – слыл мастером на все руки и сейчас наплавлял сломанный в драке зуб. Несмотря на отвары и порошки, боль ужаснейшая. Щеку зашили, для затягивания раны приходилось по несколько раз в день полоскать глотку настойкой подорожника с шиповником и мазать швы маслом оливы. Рана заживала скоро – благо, бывший воспитанник Академии увидел в ближайшей рощице несколько знакомых травок. А вот зубы он лечить не умел – пришлось моститься под канделлором – таинственным чудом кузнечного мастерства древнего мира. Столб из неведомого камня с пятью гибкими, как змеи, стальными трубками. Наконечник каждой трубки увенчан особым инструментом, позволявшим делать свое чудо. Один прожигает в любом материале крохотные, размером с гречишное зерно, дырочки, легко оплавляет даже мрамор и сталь. Вторым склеивает человеческую плоть – хоть кожу, хоть мышцы, хоть кости. Третий наплавляет неведомый нынешним кузнецам материал – цирюльник мог нажатием на кристаллы канделлора выбрать также золото или сталь. Четвертый на большом

кристалле показывает внутренности, хоть и искаженно. Ну а пятый должен снимать боль, вот только что-то он не сильно действует...

– Да что же ты стонешь, – Дарисс сделал грозное лицо, но у него это получилось криво, даже смешно. Все в советне знали, что мягче и добрее человека нет, – я уже закончил. Так, скобы в кипяток... Вот, закуси мякоть тагоры, поможет. И не разжимай челюсти. Оплавка подстыть должна.

В углу цирюльни, на кожаной скамье покачивался Марх, лучший сабельщик имперской рати, наставник разведывательного отряда. Невысокий, мускулистый и смуглый тарсянин никакой власти над собой не признавал, бился как берсерк и хитрил, аки змий. Это он в ту злополучную ночь пришел на подмогу стражам. По воле Фортуния комната борделя как раз выходила окном на городскую стену. Наскоро одолев троицу и связав их тугими жилами на десяток узлов, он утащил молодых воинов к себе.

– Тамильцев – если это действительно они, увели в темнице, там из них выбьют все секреты. Давно этих головорезах видно не было. Опять какую-то гадость замышляют. Ты, рекрут, неплохо держался – видать есть у тебя природные задатки. Хотя до стоящего воина далеко. Я поговорю с твоим стона начальником, будешь у меня муштроваться. А если бой выдастся, намотай на ус... Хотя и не выросли у тебя усы ещё. Запомни, в общем. В настоящем бою первая задача – убить противника быстро. Поэтому все, что забирает лишнее вре-

мя – пируэты, показательные выпады, даже крики – приближает тебя к смерти. Если просто дерешься, не на смерть – тогда, пожалуйста – благородничай, руки подавай, жди пока противник встанет. А в серьезной битве эти выпендрежи лишни. Дал ногой в пах и режь горло – нечего сентиментальничать. Убивать, не думая – лучшее подспорье в бранке.

– Ну как, как так можно, – возмутился Дарисс, – это же просто скотство? Каждому надо давать возможность сдаться. Даже у древних сказано – «если враг твой голоден, накорми его».

– Да я же только «за». Так даже лучше, – согласился Марх. – Накормил, потом зарезал. Только так со скотом и поступают – все согласно древним.

Глава 4. Время перемен

На часах пятнадцать двадцать. Конференция по экологической безопасности планеты, в самом разгаре.

Подошёл черед Хеминса. Мужчина вышел на сцену, встал за кафедру и включил презентацию:

– Господа, представляю вашему вниманию новый проект компании «Экостарс» по обновлению планетарной экологии – «Двулуние». На данный момент мы уже плотно используем биоэнергетические материалы в быту. Засчёт их уникальных характеристик стало возможным возродить сорок шесть островов и обустроить более семидесяти функциональных континентов (после первой волны катаклизмов из ста шестнадцати крупных островов их стало триста сорок девять). Нам необходимо разрешение на запуск космической научной станции, которая станет проводником энергии для подпитки композитов. Это позволит экономить земные ресурсы и лучше использовать биоэнергетические материалы. В раздаточном материале представлены основные положения проекта, сроки и результаты. Административный отдел нашей компании разработал необходимый пакет документов и, для начала работы, осталось лишь подписание Первой Лигой конвенции о сотрудничестве. Этот проект станет вторым шагом на пути деструктуризации планеты...

После доклада последовали вопросы.

Первым встал Ленг Риган, премьер острова Нейс-на-Рио-ха:

– Почему Ваш проект должен реализоваться именно на околоземной орбите? Нельзя ли разместить станцию на острове, дне моря, в горах?

Хеминс невозмутимо ответил:

– Биоэнергены стали альтернативой нефти и природному газу. Для производства качественного биопласта необходимо огромное количество энергии. Если эта энергия будет вырабатываться за счет земных ресурсов, то катаклизмов станет больше. Земля примется сама себя «поедать». Наступит коллапс. Да и что толку тогда от запрета на использование природных ресурсов?

Зал молчал. Герр сменил слайд – на экране отобразилось звездное небо:

– Безграничный космос сможет обеспечить планету энергией. Всё необходимое нам количество даже орбиту не поколеблет.

На кнопку связи нажал министр экономического совета Лиги, Видрин Кутор:

– Но тогда ваша компания станет монополистом в сфере энергетических ресурсов планеты! В вашей власти окажется безграничная энергия. Этого нельзя допускать! Кроме того нет гарантий, что такого рода инноватика сработает как следует. Насколько мне известно, ваши опыты уже приводили к человеческим жертвам. Спасибо за представление проекта,

после конференции он будет рассмотрен комиссией Лиги.

По залу прошла волна возмущения. Хеминс был близок к провалу. Эти алчные чинуши во главе с Ленгом готовы загубить планету, лишь бы на своем веку накатать жирное брюхо. Ну, ничего, и в его руках были козыри! Директор «Экостарс» включил модулятор. По телу прошла мелкая дрожь, он ощутил слабость, слегка подташнивало. Образец работает исправно, но стоит выждать несколько минут, дать излучению пропитать зал. Герр Кайрат пригубил стакан с водой, слегка кашлянул:

– Достопочтимый Ленг, я разъясню ситуацию. Слухи, ходящие об исчезновении людей, ничем не обоснованы. Несмотря на то, что в мире очень выражена нехватка кадров, – а на безрыбье, как говорится, кхм... Наша компания всё равно проводит очень жесткий отбор. Даже профессионалы не всегда успешно проходят аттестацию и повышение квалификации. Это, естественно, приводит к текучке. – Дыхание перехватило, Хеминс облокотился на кафедру. – Уволенные работники распространяют сомнительного рода толки. «Экостарс» ставит безопасность превыше всего – иначе вместо разработки композитных экологических биопластов мы занимались бы – ну, например, тайной добычей остатков природных ресурсов со дна мирового океана. Это намного легче и прибыльнее.

Это был ответный удар. Многие подозревают о темных делах Ригана, его обходе Лиги. Некоторые осмеливались кор-

миться от чиновничьего стола, подписывать липовые ксивы и оформлять «пропавших без вести». Хеминс выдержал паузу:

– Стоит заметить, что у Лиги на данное время нет альтернативного выхода из сложившейся ситуации. Вторая волна катаклизм может подняться в любой момент – и никто не знает, чего от нее ждать. Согласно исследованиям, последние три года атмосферный фронт и изменение состава земной коры меняются в соответствии с принципом резонанса. Следующая волна не за горами, и – поверьте слову эксперта, – она будет намного сильнее первой.

Модулятор делал своё дело. В глазах мелькали красные волны. Зал всецело был обращен к нему. Исчезли мнения, споры, сомнения. Каждый премьер внимал словам герра с детским доверием. Директор поборол тошноту:

– «Двулунье» потребует немалых вложений, но результат сполна их окупит – так же, как окупаются биопласты. Мы сможем восстановить экологию островов, уменьшить радиационный фон, восстановить озоновый слой Земли. Кроме того... – мужчина замолчал, собрался с мыслями, – в перспективе проект позволит соединять острова и остановить их дрейфование в мировом океане.

Продолжать было невозможно. В глазах темнело, судороги схватывали тело. «Должно хватить» – подумал Хеминс и отключил образец. Посвежевшим взглядом герр Кайрат довольно подмечал изменения в зале.

На лицах Представителей Лиги, в том числе, и алчного Ригана явственно читалось очарование идеей восстановления планеты и бывшего мирового единства. Модулятор унес их мысли и души в докризисное прошлое, когда суша являлась довлеющей сферой земли, материка были статичны, а друзья и близкие оставались живы. Мечты о восстановлении экологии и мировой безопасности вытеснили всякий страх нового и уничтожили страсть личной наживы. Кайрат Хеминс, директор «Экостарс» стал спасителем – и они были готовы следовать за ним даже в пучину кипящего океана.

Юноша схватывал ратное дело с первого раза. За год он изучил савейские и корианские методы боя. Схватки с учителем были уже не так коротки, и два раза ему даже удалось оставить на теле Марха царапины.

– Учитель, – Авенир сидел возле цейхгауза и поправлял цеп, – как отражать марлийский крест? На каждое изучаемое нами движение есть противодействие – блок, защита или отражение. Но этот удар вы показали мне два месяца назад, и до сих пор к нему не возвращались.

– Этот прием очень древний, – Марх закурил трубку, – мастера говорят, что сам Единый подарил его марлийцам. Я тебе показал лишь жалкое подобие креста, которое собрал из истлевших от времени трактатов. Истинный удар

во всем его великолепии и силе может провести только марлиец. А значит, и отразить его может только марлиец. Как? Не знаю. Есть в жизни вещи, которые даны одним и никогда не получатся у других.

Цейхгауз увешан необычной военной утварью, из-за чего больше походит на музей. Чего тут только нет – кармитские клинки, азотские наручи, щиты из Офира. Коллекцию Марх собирал долгие годы, получал трофеи в битвах, покупал у торговцев, выменивал у захожих героев. Тренировочный подиум окружает двойная стена, в расщелье которой хранилище учебных мечей и доспехов. Сама арена находится под открытым небом, поверхность усыпана мелкой галькой вперемешку с песком и глиной. Сабельщик считал, что тренироваться в крытом зале бесполезно – в боевых условиях комнатные навыки бесполезны. Упражнения проходили и в дождь и в град – после таких уроков весь учебный полк походил на стадо выгулянных свиней. Даже в ясную погоду биться трудно – равновесие на зыбкой почве удерживали немногие. Авенир протёр цеп:

– Почему Вы служите обычным сабельщиком? С таким опытом можно легко податься в наемники, стать странствующим воином или даже попытать судьбу на рыцарском поприще.

Марх пустил клубок сизого дыма:

– Кем я только в жизни не был. Для начала давай-ка условимся – ежели мы не при народе, обращайся на ты. Я терп-

лю эти вежливости лишь из-за устава Глинтлея и ради воинской муштры, а сейчас нужды в этом нет. Отвечаю на твой вопрос. Я был странствующим воином и даже принял монашеский постриг в Элхои в свое время... Что глаза вытаращил, не похож я на духовно-ищущего? Да только не нашел я в тех делах покоя. Странствующие воины только с виду – герои. А на деле – пьяницы, драчуны и такая же мразь, с которой они воют. Просто кулаки у них чешутся и меч в руке держать умеют – вот и бьются с кем могут.

Тарсянин извлек из кармана тряпицу, принялся вычищать трубку:

– Благородных путников войны я встречал крайне редко – умирают они быстро от своего благородия. Достал меня до печенок сей грешный мир со всей его грязью и я подался в орден, поискать чего-то подальше от земли, поближе к небу. Подвизался служить Высшему, тогда это божество еще считалось Творцом всего – земли, небес, и всякой твари – от червя до теревинфа. Искал с рвением, на которое только был способен, упражнялся в каждом, постах, заутрени и вечера не пропускал. Но со временем почувствовал, что становлюсь таким же, как устав ордена – холодным и жестким. Ощутил гнёт аскетичной жизни, телесные похоти меня влекли сильнее небесных благ. Покинув орден, со временем попал в Глинтлей. Стал сабельщиком и знаешь – мне это ремесло пока что нравится больше кровавой бойни и святых служб. Каждому своё.

– Вам приказано явиться в советню.

Десятника – молодого краснощекого юношу, видимо, не заботили воинские каноны и уставы разговора. Марх плавно перетек в сторону легкомысленного служаки и ударил. Дыхание сперло, глаза выпучились и парень сложился напополам.

– Это тебе витязь, небольшой урок вежливости. Перед тем, как войти, нужно постучать. И не забывай отдавать честь старшим по званию, не то сами отберут.

Сабельщик кивнул Ниру – мол, пойдём.

Глинтлейский воинский стан представлял закрытый городок подле имперского дворца. В нем помещалось все необходимое для жизни новобранцев и служаков – казармы, тренировочная зала, баня, небольшой базарчик. Воинские обитатели отделялись каменной стеной в два человеческих роста высотой. Однако же бойницкие окна шли через каждый локоть – и обстановку видно и не ощущаешь себя совсем уж взаперти. Учителя и зрелые воины жили за станом, в самом городе. Приходили, чтобы провести занятия, выбрать наряд для караула и огласить обязанности. Советня расположилась в подвале учебной гимназии. Светлые стены завешаны картами, харатьями с нарисованными кроками да планами.

«Как знакомо», – подумал Авенир. В Академии тоже изучали схемы, только касались они не битв, а мыслей и языка. Всплыли заклинания защиты, рецепты снадобий. Одно дело – учить уже существующие наговоры, и совсем другое –

создавать с нуля, руководствуясь конкретной нуждой и обстановкой. Тут нужно чувствовать невидимые токи в теле человека, в растениях; находить зарождение боли, а не её проявление; как мозаику подбирать виды и порции растений. Как это делать в жизни, а не на схемах? Это уже на других ступенях, а он не доучился. Да, попал из одной школы в другую. Ну да ничего, здесь повольтотнее будет...

За столом обсуждали схваченных соглядатаев. Из всех Авенир знал только Старого Дона и прежнего стоначальника. Увидев пришедших, убеленный сединами воевода стукнул по столу, все умолкли.

– Приветствую вас. Марха знают все, а вот ты, юноша, представься.

Парень вытянулся стрункой, громко ударил каблуком в пол и звонко произнес:

– Авенир, рекрут восьмого стана, под руководством Караджа, перешёл обучаться ратному искусству у сабельщика Марха. Служу Глинтлею.

Суровый воевода одобрительно кивнул:

– Уважаю ответ по уставу. Меня зовут Кид Тиннейри, я генерал армии императора и наставник его телохранителей. Старого Дона и Караджа ты знаешь. Это Прассиэдо Хеттеянин, наш лучший шпион.

– Чем обязаны такой чести, воевода? – Марх не выносил этой уставной тактичности, – даже повеса забыл про правила приличия и ворвался ко мне как голодный драный котиче.

Серьезные события грядут?

– Ты прав. Пойманные тамильцы развязали языки. Их каган собирается покорить наши земли. Шайка собиралась отравить воду в Глинтлее. До центрального источника им оставалось пройти лишь пару кварталов, но, к нашему счастью, нарвались на караульных. Если бы их план удался, многие ремесленники и торговцы умерли.

– Понял. И вы хотите от нас...

В разговор вступил Прассиэдо:

– Нужно отправить в каганат соглядатаев. В его стане крепкая защита и суровые законы, шпиону под личиной свояка проникнуть невозможно – у каждого из них знак. Либо на руке, либо на голове выжжено клеймо их легендарного хана Джунга. Хотя я и схож с ними по цвету кожи, меня отличили, чудом спасся. Теперь каждый из их племени жаждет награды за мою голову. Другой ход – иные, разительно отличные, с переговорным знаменем. Это сработает. Каган обязан принимать путников.

– А я считаю, что мальчишке рано выходить в квест, – раздался неторопливый песочный голос, – Он даже обучение не закончил, а вы даете задание, которое под силу лишь бывалому лазутчику.

Старый Дон раскачивался на стоявшем в углу табурете. Старость и больная нога позволяли ему нарушать воинский устав, по которому обсуждение в советне проводилось только на ногах. Нельзя, чтобы в ответственные моменты войны

и стратеги расслабляли тело – ведь тогда и голова перестает работать.

– Все же прав Прассиэдо.

Тиннейри стоял задумчиво, поглаживая грубыми пальцами пышные седые усы:

– Рекрут должен идти. Если Чыдах и его псы увидят зрелых воинов, убьют без раздумий. Монаха с послушником никто не тронет. Может каган и чудовище, но он чтит духовность своего рода превыше булата. Авенир – один из лучших учеников, да и смышленостью не обделен. Марх может поведать духовных истин, да и начертание ордена будет в помощь. К тому же, он не слишком блюдет Глинтлейский устав, значит, меньше вероятность, что его заподозрят из-за слишком вышколенных привычек.

Воевода замолчал. Последнее слово было за избранными. Конечно, их протест был бы весьма слабым аргументом, но ведь и последнее желание преступника если и не исполняется, хотя бы может быть высказанным.

Авенир с Мархом переглянулись. Тарсянин с силой ударил по столу:

– Ладно, авось целы останемся. Служим Глинтлейскому императору.

Глава 5. Встреча

Их одели в балахоны из верблюжьего волоса. У каждого на левом запястье переливался мутным серым блеском браслет, на голове зеленая холстяная повязка – символ мира и плодородия. Теперь они – служители бога Бадучены, покровителя травников и торбских воинов. В сумку Авенир положил тайную книгу, узелков с травами и ведовский трактат. Лазурит заключил в простенькую медную оправку – благо Дариссов канделлор мог не только зубы лечить – и повесил на шею, спрятав под одежду. Наставник сжимал руками дорожный посох. Авенир ухмыльнулся – с виду безобидная палка, а на самом деле резач – когда хозяину надо, он разделяется на два меча, рукояти скреплены шипастой цепью – такой можно и удар отразить и шею свернуть. У невысокого Марха под толстой робой перекачиваются вздутые мышцы, а с виду – так, веселый толстяк-служака, не отказывающий себе в еде и питье, вот уж точно – посланник мира и плодородия. Интересно, сколько у него на самом деле оружия? Парень смог заметить только два заплечных кинжала, да по одному метательному ножу в сапоге. И, наверно, во внутреннем поясе отравленные иглы и завернутый кругом булатный клинок. Сколько оружия у тарсянина, никто ни разу точно не угадал. Даже после бани, будучи в чем мать родила, Марх все равно мог невесть откуда вытащить замысловатое воен-

ное чудо. Что же, против каганатской орды даже вооруженный до зубов, он как медведю пчела – разозлит и не более.

Халил обмакнул кисть в пиалу с красилом. На холсте рождался силуэт пятерых путников на фоне горного хребта.

– Им понадобится помощь.

Прозорливец закрыл глаза:

– Сила единения в действии... Вырисовывается пламя, пещера и горы...

На блестящей безволосой голове проступил пот:

– Свет и пламя... Надо бы проведать о них.

Слуга принес кувшин с отталеной водой. Смуглый старец нетоопливо повел рукой в сторону степи:

– Горез, приготовь мне пятый набор и младший канун. Я отправляюсь немедленно.

– Пожелает ли господин взять с собой слугу?

– Не в этот раз, друг. Ясности нет, и будет лучше тебе остаться в поместье. Возможно, я нашел Царскую драгоценность. И, возможно, не одну.

Юноша помог хозяину умыться. Халила обьяло фиолетовым вихрем и унесло в северный край.

Спустя три недели пути густолесные чащобы поредели, а под копытами навьюченных мулов заскрипел песок. Солнце жарило не по-осеннему, воздух стал сух и безвкусен. До окоема простиралась великая хуннская степь, с редкими кустами и мелководными речушками. По всей равнине волнами проходили скудные травяные всполохи – раскачивался на ветру ковыль, играл типчак, колыхался овсец.

Глаза страдали от такой свободы и пустоты, пытались ухватиться хоть за какой-то островок, деревце, или холм – но эта их прихоть оставалась неисполненной.

Когда близился вечер, путники треножили животных и раскидывали ночлег. Марх доставал из узелка лепешки с сыром и лук, Авенир же раскидывал спальники и вытаскивал мехи с водой и чаем. Вина странники не взяли – монахи Бадучены воздерживались от хмельного, а исполнять торбские каноны новоявленные соглядатаи начали уже в Глинтлее – тамильцы могли следить за ними от самих имперских ворот.

Сабельщику не нравилось, что рекрут (хотя рекрутом он был раньше, теперь – брат и напарник) собирает травы, читает какую-то книжонку и проводит время в размышлениях, покручивая в руках бирюльку с лазуритом. Но здесь, в степи, он ему не хозяин. Юноша рассказал, что сиротой попал в услужение к старой ведунье – там и научился травам да простым заклинаниям, но потом сбежал и прибил к амишам. Сам воин не доверял магии – считал ее, в лучшем слу-

чае, хитрыми фокусами. А, хотя пусть ворожит, зла от этого никому пока не было, да может Чыдаху чего покажет – не только же речами его умащать. Настоящих магов Марх видел лишь два раза – и одного из них убил своими руками. Злобный Тандкрит думал, что оскорбление сойдет ему с языка. Хм, тарсянина, конечно, сожгла бы та огненная стена, да вот только не подрастчитал чародей, что метательный топорик достанет его быстрее. А второй... Марх содрогнулся. Ледяной голем – не то человек, не то асванг, обладающий огромной мощью. Лишь однажды ему приходилось пройти путем Ен-Гарди – дорогой, лишь касавшейся заснеженных обителей Фаэлсиргра, но никогда не забыть того леденящего душу ужаса – страха, который сковывает тело, парализует отвагу и ведет в погибель, словно гипнотический взгляд василиска. А что же происходит там, в глубинах его земель?

Охота дрыхнуть пропала. Сабельщик выбрался из мешка и пошел в отхожее. Окинул взглядом стоянку – мулы спали, Авенир уже закончил свои чтения с молитвами и кутался в шерстяной плащ. Костер не разводили – в сухостое степь вспыхнет, как промасленный пергамент, да привлекать внимание зверей и людей лишний раз не стоит. Надо зайти подале, а то молодой еще проснется, испугается с непривычки. Да, степь – такое место, слышно на расстоянии полета стрелы. Не то, что город – гвалт, ор, повозки скрипят – не угадаешь, что за углом творится.

В темноте ночи разливалась тихая мелодия. Она прояви-

лась из ниоткуда, мягко обволакивая своим покоем и добром. Лидийские напевы говорили о вечности, любви, радости и надежде. Текучие, медовые звуки проникали внутрь чрева, обволакивали душу и растворялись сладкой истомой. Тарсянин медленно спускался в низину, из которой доносилась чарующая музыка. Вокруг сабельщика вырастали обшитые шелком стены, ноги утопали в мягчайших персидских коврах и тигриных шкурах. Тихо журчала, переливаясь всеми цветами радуги, вода, струящаяся из стройных фонтанов. На палатах возлежали счастливые люди, которым девушки в полупрозрачных сари приносили еду и напитки. По дворцу разносился аромат жареного мяса и благовоний...

Вдруг все вокруг стало дрожать, палаты расплывались и таяли в воздухе.

– Марх, очнись!

Авенир тряс тарсянина, как если бы тот задолжал ему двадцать золотых:

– Давай, приходи в себя! Умрешь если, тащить обратно не буду.

Сабельщик в недоумении оглянулся. Дворец с фонтанами исчез, в глазах стоял белесый туман, но уже понял, что произошло:

– Да все уже, я здесь. Сколько длилось наваждение?

– Около часа.

– Ну и сходил по нужде. Чуть душу не оставил.

– Так у тебя и душа есть? А я думал, ты ее на клинок про-

менял.

– Завидуешь. Небось молишь своих богов, чтобы и тебя также одарили? Ладно, пора языки прикусить – кто больше молчит, тому жить дольше.

Марх осмотрелся, прислушался. Перед взором развернулась небольшая поляна, тускло освещавшаяся лунным светом, да тремя маленькими медными жирниками. На ней, в выложенном белыми камнями кругу, сидел смуглокожий старец. Седые усы, скрученная косичкой бородка, абсолютно лысый череп. В ухе поблескивает золотая серьга с камнем, а на правой стороне лба темной лужей растеклось родимое пятно. На коленях чаровника лежит похожая на древлянские гусли колода со струнами, по которым искусно бегают зажатые в пальцах костяные наконечники.

Старик, продолжая играть, свободной рукой дал знак не двигаться.

– Даже не посмотрел, – прошептал Авенир.

– Этого волхва так легко не возьмешь. Подождем, вроде пока его чары на нас не действуют.

– Чувствуешь, земля дрожит?

Ноги ощущали толчки, тряслись мелкие камешки, подрагивал ковыль. В нескольких шагах от смуглокожего вырос холмик. Земля растрескалась, полетели комья земли и, разорвав дерн, из недр поднялся огромный чешуйчатый змей.

«Похож на обычного червя, только в чешуе и с длинными изогнутыми клыками на конце. Да поболее чуть-чуть» – по-

думал Авенир. Он читал про таких тварей. Класорсизы пару раз в месяц они охотятся за пищей. Будь то человек, или конь, или еще какая живность. Сожрут и дрыхнут дальше. Под землей глаза не нужны – чешуя ощущает мельчайшее движение. Но вот что они еще и слышат – про это нигде написано не было.

Старец, продолжая играть, достал из-за пазухи бутылку и протянул к пасти змея. С клыков сочилась густая зеленовато-фиолетовая жидкость. Набрав почти доверху, волхв скрыл склянку в лежащий неподалеку мешок. Музыка сменилась и тварь медленно ушла под землю. Еще через несколько минут старец перестал играть, обернулся к монахам:

– Добры будьте, юноши.

– И тебе хорошего вечера, мудрец, – выпрямился Марх, – ты зачем ужика тиранишь? Еще и нас посередь ночи поднял. Ворожишь небось – отравить хочешь кого?

– Зачем травить, если и так убить можно? – глаза мудреца полезли на лоб, – я для лекарства собираю, ломоту в спине лечить. А то ноет, зараза, никакого покоя нет.

– Разделишь ли с путниками их скромный ужин?

– Нет, ужинать я не хочу. А вот позавтракать как раз можно, самое время.

И правда, окоем уже просветлел, над равниной поднимался белый, как глаза вареной рыбы, туман.

Старик оказался легок на подъем и не отставал от друзей.

Пришли к стоянке. Стреноженные мулы, подрагивая от холода и тумана, щипали скудную зелень.

Пока Авенир разводил огонь, Марх двинулся поохотиться. Через полчаса воротился с двумя кроликами и куропаткой.

– Немного, но зато жиром не заплывем. Нам по кролику, а чародею птичку. Он вроде как тоже высокого полета будет.

В белесой пелене проявился силуэт старика. Мужчина подошел, развязал узел. На землю перед костром упало пятеро тарбаганов. Каждый размером с двух кроликов, похож на обтянутую мехом подушку.

– Ух ты, про жир я поторопился. Где таких тюфячков нашел, мудрец?

– А я за холмик зашел, смотрю – лежат. Все пять в рядок. Мешок открыл, они сами и залезли.

– Видно-видно. Знавал я одного старикана, точь-в-точь как ты обликом. Говорил, что его брат сказочником работает. Не ты ли?

Двух тарбаганчиков старик оставил путникам на дорожку. Ему то что – и так до дома недалеко, а им пригодится. Остальная живность исчезла в недрах троицы. Волхв ел помолодецки, не уступая Марху и Авениру. Много ли надо для счастья мужикам? Мяса с луком, водицы студеной, да в бою остаться целым. А если и умереть – то чтобы сразу, без мучений.

Халил довольно погладил лоснящуюся от жира бороду:

– Пожалуй, с вами пройдуся. Недалече деревенька одна есть. Вы там запасы пополните, да в баню сходить можно. А я подлечу кого-нибудь, медью разживусь. Там уж разойдемся. Вместе веселей.

Глава 6. Лекция

«...и только избранные Высшим смогут использовать обереги»

Седовласый мужчина удобно устроился в гамаке. Крепкий стан, мозолистые грубые руки, чистый прямой взгляд. Местный голова наслаждался редкими минутами отдыха. Недавно прошел дождь и в березовой роще, среди которой разместился уютный просторный дом, пахло скошенной травой и медоцветом. По небу плыли поодиночке крохотные застенчивые облака – солнце, наслаждаясь предоставленной свободой, нежно грело землю. Время близилось к вечеру, полдничный жар уже прошел, но вновь браться за работу не хотелось. Вкруг уселись ребяташики и мужчина с явным удовольствием рассказывал им народные былины.

– Все, довольно с вас. Пора мне кровлю поправлять.

Среди детей раздался возмущенный вздох, но уже спустя минуту все побежали играть в рюшки и тягать канат.

– Авве, а где сейчас находятся обереги?

Зеленоглазый паренек смотрел внимательно, брови намурились, а губы твердо сжаты.

– Предание гласит, что древние маги самый могущественный спрятали в великом окаменевшем древе, которое ветвями подпирает небо. В его кроне и обитают хранители небесного лазурита. А где остальные семь оберегов (их еще

по старинке кличут эпифактами) – никто не знает, разбросаны по земле.

– А зачем его охранять, если только избранный может завладеть им?

– Свет мой, кривда всегда жаждет нарушить законы мироздания. Даже если и не могут использовать его, то так или иначе захотят помешать благу. А лишит добро силы – все равно, что уничтожить его. Добро не может быть бездейственным, безвольным. Человек безвольный может стать на сторону тьмы.

– А я буду делать добро?

– Будешь сынок, только подрасти немного.

В глазах паренька вспыхнули искорки, он схватил деревянный меч и побежал на поляну к остальным ребятам.

Отец смотрел вслед убегающему пареньку. Если прав был ведун, то ждет их скорое расставание. Ну... да хоть бы ошибся старик? А если и прав, то не изменишь воли беспощадной Мокошь.

Мужчина вздохнул и пошел в сени за лестницей.

– Таким образом, создаваемые модуляторы трансформируют мысленные формы – их еще называют мозговые эманации, – в энергетический поток. Последние разработки позволили не только преобразовать и придать потокам биосилы

конкретную направленность, но и усиливать их. Каким образом, кто мне ответит?

Профессор Гринвин строго всматривался в лица практикантов. За последние несколько лет мужчина поставил алкокод, прошел курс лечения от зависимости и стал завсегдаем фитнес-центра «Вертус». Природная упертость помогла ему вернуться к полноценной жизни и разорвать порочный круг – работа – получка – пьянка. Пагубное пристрастие ставило под угрозу его работу в «Экостарс». Что ж, в свои пятьдесят четыре он смог стать победителем в этой битве. Но война будет идти до конца жизни, так уж суждено.

– В последние модели встраивают драгоценные и полудрагоценные камни.

Голос звучал мягко, чуть насмешливо:

– Правильная кристаллическая структура под действием потока резонирует, а полученные колебания воздействуют на поток. Из-за этих колебаний исходящий биореос имеет большее квантовое число и объем. Вот только качество падает, заданная эманация упрощается.

– Прекрасный ответ, господин Сартмес. Вы не перестаете меня радовать. В будущем из вас получится прекрасный проектный аналитик.

– Профе Гринвин, – молодой парень с проколотым ухом и синими волосами нажал знак вопроса на сенсорной панели, – ведь эти «волшебные палочки» и «амулеты» имеют и отрицательное воздействие?

– Мысли по существу, господин Диптрен. Когда компания создавала первые образцы, они были весьма опасны для здоровья. После применения агрегатов, применивший их долгое время восстанавливался. Депрессия, лихорадка, простуда, облысение – это лишь средней тяжести последствия. Бывали и случаи безумия – расщепление личности, синдромы Стендаля, синестезии и «Алисы в стране чудес» – их можно считать не самыми ужасными. Некоторых вылечили, хотя пришлось встраивать в руки и головной мозг сетку-блокатор, так как у пациентов развилась зависимость от модулятора. Но это было четыре года назад. Сейчас применяются более тонкие технологии – использование встречных токов, магнитный отвод. Сильно помог такой простой прием как заземление. Да-да, не смейтесь, господа студенты. Планета является проводником и предоставляет около трех четвертей биоэнергии. Это все равно пока еще очень мало, но уже результат. Кроме того, в этих, как вы сказали, «волшебных палочках» – определение «стилус» мне ближе – установлены блокаторы, которые устанавливают лимит на воплощение эманаций.

Гринвин развел руки, на лице появилось мечтательное выражение:

– Что делать, мы – исследователи, первопроходцы. И риск – это обязательное условие для таких дел. Поэтому каждый из вас и проходил ДНК-тестирование, определяющее эмоциональную устойчивость и способность к интеллек-

туальному развитию. Как и сила – мы теряем время, приобретая здоровье. Нарращиваем мышечную массу, но увеличиваем нагрузку на сердце. Также и здесь – мы теряем немного энергии, но получаем необходимые результаты. Ключ, господа практиканты – в равновесии, балансе, экилибре! И в поиске средств, позволяющих его удержать.

Дверь аудитории бесшумно распахнулась, в проеме появился подтянутый бодрый мужчина. В бородке неравномерно проблескивала седина, на крупной переносице сидели платиновые очки – искусная работа мастера, сделанная на заказ. Хеминс в любой момент мог исправить дальнорядность в клинике – стоило это копейки – но категорически не желал этого делать. Очки были частью стиля, жизненного устоя, привычки. Не подкрашивал седину по этой же причине – нарочито старался выглядеть чуть старше:

– Продолжайте урок, профессор, я обожду.

– Герр Кайрат, Вы как раз вовремя. Я только что закончил материал о модуляторах и мы с практикантами немного по-discутировали о принципе равновесия энергии.

– Прекрасно. Тогда я займу оставшееся время.

Мужчина легкой поступью вошел на помост и занял кафедру. Взгляд скользнул по ученикам.

– Ну что же, друзья. Вы здесь – значит, вы – избранные. Отбор на специальность креаторов, или «создателей» – как вам удобнее, идет всегда самый жесткий. И это лишь старт карьеры, базовая должность. То, что вы являетесь облада-

телями элитной генетики, значит не так много. Обладать и управлять – разные вещи. Вам предстоит много сделать для своей планеты, – Хеминс выдержал паузу. – Нелегко проходить через насмешки и критику тех, кто не попал сюда. Тяжело жертвовать единицами ради спасения сотен. Да, что говорить, подчас просто невыносимо посвящать всего себя для помощи людям. Но вы справитесь. Четыре года назад мы запустили проекты «Двулуние» и «Мировое Древо». Они набирают разгон и уже достигнуты хорошие результаты. Также «Экостарс» осуществляет косвенный проект – «Единая Земля».

Нам предстоит покорить невообразимые доселе вершины. Я не совру, если заявлю, что мы берем на себя роль Творца. Основная задача – передислокация плавучих островов и присоединение их к немногим статичным. И это только самое скучное. Многие местности отравлены, разрушены и опустошены. Нужно будет восстанавливать земли. Вы станете героями...

Мужчина смутился и медленно добавил:

– Хотя ваши имена узнают лишь через несколько лет после вашей смерти.

– Почему Вы считаете эту работу опасной, герр Кайрат?

Вопрос задал синеволосый юноша. Директор прищурился, губы растянулись в улыбке:

– Ирэн Диптрен, не ошибаюсь?

По залу прошла волна удивления.

– Видимо, да. В самую точку, юноша. Казалось бы, что общего у опасности и сельского хозяйства? Летай себе на био-плане, сшивай куски земли, да разводи крупный рогатый скот. Ан, нет. Хотя второй волны мы пока избежали, земля все еще несет последствия первой. Из трехста пятидесяти островов, мы имеем достоверную информацию лишь о пятидесяти, догадки – о сотне с мелочью. На остальных могут обитать различные формы жизни – от вирусов до млекопитающих и еще неизвестных науке организмов.

Радиационный, геомагнитный и биоэнергетный фоны могут привести к поломке оборудования, болезни и психическому коллапсу личности. Вы представляете, что будет, если дать модулятор последней серии безумцу? Что он может натворить? А мы снабдим команды еще более мощными инструментами. Так что все те медиа-игрушки, которыми молодежь балуется сейчас: увлеченность эклектикой, рыцари-варвары-тролли, «магия» – будут транслированы на уровне реального мира...

Мужчина пожевал губу:

– С той лишь разницей, что это будет не миф, не картинка на мониторе, а неотличимая от грез реальность. Поэтому каждый и проходит такой жесткий отбор. Кроме интеллекта необходимо воспитывать характер – чтобы даже в несознательном состоянии – обморок, кома, помрачнение сознания – быть направленным только на позитивную деятельность. А Вы, Диптрен и Сартмес, до сих пор соперничаете

между собой за эфемерное лидерство в группе. Пора бы уже перековать мечи на орала...

С урока все уходило воодушевленными.

Вико Сартмес подошел к своей комнате и положил ладонь на сенсорную панель.

– Надо же, станем героями... Надо сотрудничать... Герр Кайрат чересчур сильно любит свою работу. Для него и местная техничка – звезда вселенского масштаба.

Глава 7. Цейрихенгль

В таверне стояла духота, пахло плесенью. По дощатой поверхности полз, быстро-быстро перебирая лапками, крупный черный таракан. Существо на секунду застыло и тут же поплатилось за медлительность – на него опустилась пузатая деревянная кружка, подначенная медными обручами. Лампады коптили потолок, тускло освещая посетителей. Грубые столы с лавками были такими же неотесанными, как и лица подвыпивших завсегдатаев. В жаровне пеклась баранина, разносился запах чеснока и пота, лились реки настоящей на репе медовухи.

Трое путников уселись за стол в дальнем углу. Пухлая тетка с редкими, закрученными в жидкую косу, волосами и алеющими от прыщей щеками принесла противень с печеным мясом и зеленью.

– Что пить будете?

– Давай кувшин легкого кваса, и водицы чистой.

– Если барышня будет любезна, то я козьего молока испью, – Халил любезно наклонил голову.

Женщина раскраснелась и исчезла за дверью. Через несколько минут появилась с подносом, на котором горделиво возвышались кувшины и пиалы.

– Вот, даже помыла. Отдыхайте, гости дорогие, если чего надо, я в пристанной – вон за той дверью буду.

– Спасибо хозяйюшка, благодарствуем.

«Смуглокожий мягок на язык. Да и весь он с виду мягок и добр». Если бы не позавчерашняя встреча с земляным змеем, да золотая серьга в ухе, Марх бы подумал, что это местный старикан, которому нож покажи – начнет ползать и умолять о пощаде, предлагать в награду еду, кров, дочь и сдавать знакомых – у кого что припасено.

– Да я не хозяйка, я так, посуду мою и еду ношу, – тетушка зарделась и, хихикая, как молодая пигалица, убежала обслуживать завсегдатаев.

Троица ужинала, беседуя о пройденной вместе дороге, дальних странах и воле богов.

Халил провел пальцем по кромке чаши.

– За эти пару дней я неплохо провел время. У меня есть для вас послание от моего бога. Его голос велит передать вам некую вещицу. Сам не до конца понимаю смысл, да это и не так важно. Завтра мы разойдемся, может для вашего пути это сыграет хорошую роль.

С этими словами старик достал мешок и развязал узел. Свиточек размером с поллоктя, исписан неведомыми символами, начертаны демон, мужчина в странном черном костюме и простоватый на вид мальчишка, однако в царском одеянии.

– Спасибо за картинку, мудрец, – тарсянин повел бровью, – найдем, как ее приспособить. Авенир, ты же и искусство любишь, потащишь сам. Эй, хозяйка, есть ли здесь ком-

ната для уставших монахов?

– Да, имеется, – несмотря на пышные формы, женщина оказалась весьма расторопной, – два медяка за ночь и еще за день одну монету.

– Ладно. Держи серебряк и побеспокойся, чтобы нас ждали три мягких топчана, а на столе стоял кувшин ключевой воды.

– Ага, все сделаю.

«Девушка» унеслась по скрипучим ступеням в верхнюю постройку. Донесся грохот посуды, сухой шелест метлы и тяжелый стук ведер.

Мимо стола, пошатываясь, проковылял массивный зеленокожий наб. Словно случайно, он задел пиалу. Та, соскользнув со стола, разбилась вдребезги, подняв в воздух фонтан брызг. Верзила нагло уставился на путников, медленно открыл огромный толстогубый рот:

– Жто это шакал-л-лье отродье ищет в н-н-наших краях?

Марх было поднялся успокоить эту волосатую полужабу, но Халил поднял ладонь в знак приветствия. Сабельщик присел. Место и его обычаи мудрец знал лучше, да и открывать свои умения не было особой надобности.

– Любезный, мы – трое путников, уставших с дороги. Прошу, не причиняйте нам вреда. Да и стоит ли ради нас напрягать свою гортань, не приспособленную к столь сухому воздуху. Прodelав долгий путь, хотим лишь немного поесть, да переночевать в этом чудном месте.

– Вы тут нав-в-всегда ос-с-станетесь! Мерт-т-выми.
На корм с-свин-ньям.

«Чего же он придрался?» – Марх окинул таверну взглядом. Двое сидят справа, один возле медного горшка с водой делает вид, что ест свой ужин, еще и в окнах промелькнуло три тени. Скорей всего в таверне драться не захотят, попытаются вытащить на улицу. Там окружают и засекут плетью. Если у них к тому времени еще руки останутся. Халил расплылся в вежливой улыбке:

– Чем же мы тебя задели, о, изумрудный? Слагаются легенды о мудрости и выдержке набов, видимо, страшен наш грех перед тобой.

– Из-з-здеваешься? Зареж-ж-жу!

Наб кинулся на Халила. Два других бросились на спутников смуглого. Старик слегка наклонился, и чуть видимо повел рукой. Жабомордый отлетел в сторону, смяв под собой стол с накрытой на него трапезой, проехал головой по мокрому полу и с хрустом втемяшился в каменную поварскую стойку. Марх достал из сапога клинок, резко взмахнул рукой. Второй наб скорчился от боли – кисть слегка подрагивая, плюхнулась на землю. Авенир соскочил со скамьи и противнем двинул в шею третьему.

Сидевшие набы повскакивали с мест, в двери забежало еще трое.

Раздался треск. Слева полыхнуло синим – один из жабомордых упал. В воздухе расплылась вонь жареной плоти.

– А ну пошли отсюда твари, а то всех на котлеты изжарю. Здесь вам не бранница, а таверна. Тупые лягухи, сгиньте прочь.

С верхней горницы спускалась ветхая старуха. Седые волосы были уложены в две тугих косы, глаза сияли цветом зеленого луга, завораживали и пронзали насквозь. Лоб украшала навязь из кожи, испещренная разноцветными нитями. Несмотря на почтенный (Марх бы сказал, что даже клеветы столько не живут) возраст, держалась она прямо и походила больше на графиню, чем на хозяйку таверны.

Зеленокожие поспешно попятились к выходу.

– Эй, Трын, убери эту тушу свиньям. Может, съедят, не побрезгуют.

Сонный мужичина, ворча, закинул обугленный труп за плечо и унес в сарай. Старуха повернулась к Халилу, глаза лучились радостью:

– Так и знала, старый хрыч, что ты без драки сюда не сунешься. Обязательно кого-нибудь хрюшкам на закуску пригатаишь.

– Такова судьба, леди Церихейнгл. А ты все так же молодая и статная? В свои двадцать тебе не дашь больше... четырнадцати.

Халил учтиво поклонился:

– Видел ли мою доченьку?

– Как не видеть, все также юна и стройна. Она с превеликой вежливостью согласилась приготовить мне и моим дру-

зьям палати.

Хозяйка обратилась к изумленным путникам:

– Проходите в свои покои, отдыхайте. Уж извиняйте за спектакль – у лягух сейчас откладка икры, а самцы шаптаются по поверхности, звереют от воздуха. Позавтракаете утром со мной, а там уж в путь-дорогу отправитесь. Трын, убери здесь все. Да стулья расставь. Честному народу отдыхать надо.

Из сеней раздалось бурчание и выглянула огромная квадратная голова:

– Ну чего еще? Сами уберут, чай не господа.

– Быстро, сказала. А то плетей дам, или к свиньям отправлю.

Халил и Марх исчезли в дверном проеме. Авенир посмотрел под ноги. На полу валялся пузырек, внутри переливалось что-то зеленоватое. Он поднял склянку и поспешил к товарищам.

По настоянию старухи, мужчины остались завтракать. Утром идти всегда легче, чем днем, так уж повелось. Прохладно, свежий воздух, пыль прибита к земле. В жаркий день идти трудно – а они уже ох, какие жаркие. Так и плывешь в раскаленной воздушной каше. Иногда повеет прохладный ветерок, но как нечасты такие мгновения. Вечером же становится просто невыносимо. Гнус, мошкара – все голодные, аки медведи после спячки. Еще после дня пути весь липкий от пота, грязный от пыли – так и хочется броситься в ка-

кую-нибудь лужу, отмыться. Но нет – иди дальше и помалкивай, благодари богов за жизнь, за пищу.

Щедрые яства источали благой аромат. Место на квадратной тумбе занимали зажаренный кабанчик, кувшины с клюквенным морсом и айраном, отваренный картофель с рыбой и укропом, сласти. Старуха произнесла молитву и трапеза началась.

Цейрихенгль пристально вглядывалась в парня.

– Откуда у тебя камень, юноша?

Авенир оторвался от жареной ноги. Соврать он не решился.

– Остался, как память.

– Из Академии? Вижу, можешь не отвечать. Значит, беда близко.

Юноша изумился:

– А вы оттуда? Тоже сбежали? Но... как это возможно?

– Ходят разные легенды о создании этой курии. Одни говорят, что Гроумит наказал Асмодея за злодеяния и превратил его в дерево. Другие говорят, что Академия – это создание богов, в котором одаренные дети становятся чародеями и носителями небесной воли.

Старуха наклонилась к Авениру.

– Я знаю наверняка только то, что сбежать оттуда не так уж и сложно – сам видишь. А если сбежал, тебя уже не преследуют – сколько живу, ни разу с чародеями теми не встречалась. Откуда, как и для чего она появилась? – ведает толь-

ко властитель Академии, но существует ли он на самом деле – не знают даже верховные маги. Когда я появилась здесь, – это было, чай как полвеку назад, – случилось нашествие джунгаров. Не знаю, кто их наслал на земли, а только причинили они много боли народу.

Авенир с неловкостью спросил:

– У тебя был камень? И книга?

– Какая книга?

Парень достал из сумы потрескавшийся том. Кожаная обложка от времени покрылась трещинами. Страницы засалены, кое-где разводы и пятна, но текст был четок и хорошо виден. Цейрихенгль пролистала странички, осмотрела обложку. В голове проносились мысли, наконец, цепкая память выудила воспоминания:

– Ах эта. Взял самую древнюю харатью, еще и по божествам. Бесполезное занятие. Богов не существует. То есть, может и есть, но вряд ли они подойдут под эти описания. Как можно полностью описать того, кто выше любого понимания? Мы сами создаем свое бытие. Мир похож на мельницу – плотник ее создал, запустил и отдал крестьянам. И она мелет себе потихоньку, ломается, чинится. Мельник как может ее чинит, но все равно она сломается, придет в негодность, рассыпется в прах. И наш мир тоже умрет когда-нибудь. Я бы взяла магические книги, от них хоть польза. Не раз умения мои таверну выручали. Набы это так, легкая разминка. А камень мой, изумруд, сгорел быстро. Потух, словно не для сего

мира предназначенный. Только перевязь на лбу осталась. Я кристалл тот перетерла, в эту тряпицу и повязала – от болезни вроде как помогает, да и чары посильнее действуют.

Авенир жадно внимал. Не стоит повторять ошибок других, надо стремиться достичь больше, использовать опыт. Ему вдруг стало понятно, чем он отличается от старухи. Та всю жизнь на одном месте, в покое. Он постоянно куда-то бежит, стремится, хоть внутренне и жаждет покоя и мира. Представил себя стариком, хозяином таверны. Спокойная размеренная жизнь, прямо как в деревне амишей. Стало тошно. Значит, правильно выбрал путь. После Глинтлея та жизнь уже кажется пресной и сухой. Надо бы спросить старуху...

– Что мне делать со своим кристаллом?

– С камнем-то? Да, ерш его знает. Легенды гласят, что камненосцы соберутся в Царстве Веллоэнс и восстановят нарушенное равновесие миров, установят порядок в сонме богов и назначат новые заповеди мира. Царство это славится своими богатствами и процветанием, а правят там мудрейшие из людей. Вход в царский оплот открыт лишь избранным. Камень является одновременно компасом, ведущим в Царство. Говорят, находится оно за восточными землями. Путь проходит через Турмагу – владения проклятого Зуритая. Кто знает – все может быть.

Полет мыслей от второго дня, двенадцати энамбелов, двести шестьдесят восьмого вита...

– Кто творит судьбу – человек или божество?

– На этот вопрос может ответить только тот, кто создал человека и божество.

– Я управляю собой – значит, я творю свою жизнь.

– А удача?

– Удачу человек видит как оправдание своих действий. Тот, кто верит в свою умелость – удачлив. Тот, кто считает себя меньше, чем он есть – ищет и надеется на удачу, не желая трудиться сам.

– Но если есть видимая помощь людей, может быть, существует и невидимая помощь богов?

– Может, но тогда боги будут помогать тому, кто сам что-то делает. Невозможно помочь в деле, которого нет. Если герой идет до конца, армия идет за ним. Если герой желает, чтобы его несли, воины вознесут его... на копья. Победитель идет по велению сердца, преодолевая невзгоды. Он лучше падет на поле брани, чем откажется от мечты. Проигравший всегда согласится жить хуже, чем может, лишь бы жить. Или предпочтет легко и быстро умереть. И боги помогут ему в этом. К тебе приходит то, чего ты достоин – но у героя достоинство и желание совпадают. Старуха сильна в мире, но слаба достоинством. Потому-то она несчастна и отказывается от помощи богов –

чтобы утвердиться в собственной силе.

Голос внутри говорит – «Тот, кто напоет других, будет напоен сам и Призвавший наградит призванного...»

Авенир Мес'о Дитроу.

Глава 8. Каган

Чыдах проснулся в преотвратном настроении. Шестой день больной зуб не давал покоя. Одышка, ломота в коленях, ноющая поясница настроение не улучшали. На месте, где раньше располагался плотный щит из мышц, теперь висел большой уродливый ком жира. Да, он уже не тот тридцатилетний мужчина, который мог без сна и еды трое суток кряду рубить непокорные головы. Девять городов исправно платят дань, в каждом месте свой преемник – обладатель золотого ярлыка. Предатели верны – и потому что имеют богатство, и потому что боятся мести народа. Чыдах затеребил косичку на подбородке – как же ноет зуб, отрубить бы голову кому – да надоело уже и легче не станет. Прошелся по устланному коврами и шкурами шатру. Шестой день не рад он ни наложницам, ни веселью, ни питию с едой. В стане тихо – никто не хочет попасть в немилость кагана. Вмиг насторожился – спиной почуял, что перед входом кто-то ждет:

– Входи, Тулай, не бойся. Я зол, но сегодня голова твоя сохранена.

В шатер вполз худощавый юноша, припал лбом к львиной шкуре:

– О, великий хан, милость твоя превыше Кум-горы. Да живет вечно господин мой и попирает прах врагов своих. В наш стан пришли незваные, с виду монахи Бадучены.

– Гости? Как мило, бедные глупцы. Я приму их, так и быть, в третью стражу солнца. А пока пусть будут в саат-шатре. Окажите им все приличие, но следите и не выпускайте.

Слуга поклонился и исчез. Чыдах устало вздохнул. Его бы воля, лежал на шкурах бы целый день – да надо орду держать в узде. Неспешно облачился в шелковый расписной халат, вышел во двор. В медном умывальнике играла солнечными лучиками вода, стоял рядом жирник с маслом. Да, расторопный Тулай все делает для своего хана. Потому еще и носит голову на плечах. Умывшись и позавтракав, каган призвал мудрецов, до обеда держал совет о дани, предстоящих походах и набегах. Грабили небольшие деревеньки – и то так, по-доброму. Убьют пару мужиков, дом сожгут, трех-четыре девиц уведут в полон – мелкое хулиганство, не боле. Великая орда давно уже стала непоколебимой, могучей и устрашающей все народы. Не то, что старшие братья – джунгары. Без конца воевать – это их страсть. А хунны посмекалистей – подкупы, дань, вероломство – хорошие средства для процветания. После обеда великий хан хотел было поспать, но вспомнил о скитальцах. «Ох, все дела, ну как так можно» – пробрюзжал внутри себя Чыдах.

– Привести этих бедняг ко мне в опочивальню, буду с ними беседу держать.

Перед ним стояли двое монахов. Первый хоть и короток, но росл, лицом суров, нос как у ястреба, щеки в шрамах.

Из под густых бровей глядят черные, как Улиендские топи, глаза. Второй молод, стоит гордо и поглядывает по сторонам. Этот был светловолос, взгляд чистый и пытливый. «Пытливому взгляду – достойную пытку» – усмехнулся про себя хан. Острый подбородок и большие глаза делали лицо похожим на девичье. Если бы не пробивавшаяся под носом куцая поросль и монашечья роба, можно бы и впрямь принять за девицу.

– Каким путем вы смели явиться ко мне в стан, что за мысли в ваших головах?

Марх приветственно вытянул руку:

– Мы – странствующие монахи бога Бадучены и исполняем паломнический обет. Путь наш проходит через Великую степь в город Дучебы, где великий храм. К тебе же, великий каган нас привел обычай прихода. Говорят, Джунг и Хуней друзья нашему властителю, так и нам стоит почтить их.

Чыдах снисходительно кивнул, простер тяжелую длань:

– Я чту богов и обеты. Тулай, кинь священный камень – узнаем, что скажут боги.

Прислужник достал из кожаного, расшитого бисером и самоцветами мешка, небольшой булыжник. Он был гладок и бел, расписан черными значками. Юноша зажмурился, крутанул камень и кинул его в устланную золотом ложбинку. Чыдах молчал, ноздри зло раздувались. Потом с ненавистью взглянул на странников – голос тих и жесток:

– Можете остаться на вечернее поклонение. Батыр, про-

веди наших гостей в шатер и повяжи им красные повязи. Сегодня они наши друзья.

На небе повисли тяжелые, жаждущие разрешиться от ноши тучи. Задорно били барабаны, хуннские дудки тянули замысловатые пассажи. Где-то вдалеке выл с голодухи серый степной шакал. Языки пламени взвивались вверх, стараясь лизнуть далекое темное небо, пускали снопы искр и плескали в ночь драгоценное тепло. Днями все еще стояла жара, но сезон жатвы уже приносил ночную прохладу.

Авенир и Марх переоделись в праздничные шелковые халаты. Охранник провел их мимо плетеной изгороди, за которой понуро скрутился калачом небольшой муравит.

Муравиты. Юноша немало знал об этих существах. Назвали их так за некоторое сходство с маленькими трудягами. Округлая блестящая голова с антеннками и опасными жвалами, три пары лап, поражающая воображение выносливость и сила. Отличались размером – в «холке» отдельные особи могли достигать полутора метров, более массивными, затянутыми плотной черной шкурой, когтистыми лапами и менее объемным, но удлиненным и подвижным брюшком. Жили муравиты подземными колониями и на поверхность обычно не выходили. Этот же... Парень задумался, в сердце кольнуло острие жалости. Или потерян, или изгнан. И то и другое для муравита равноценно смерти.

Каган сидел супротив костра на троне из саманного кирпича, обложенного густыми и теплыми медвежьими шкура-

ми. То и дело раздавались тосты – «за Джунга, силой облекшего и Хунея, даровавшего хитрость», бились медные пиалы с молочной водкой, раздавался гогот воинов.

Хан ударил в гонг и стан молниеносно затих. Впрочем, местные кузнечики не проявили к великому кагану должного уважения и продолжали трещать любовные рулады. Чыдах молвил:

– Великие боги избрали хуннов за их хитрость и силу. Сегодня наш стан посетили служители Бадучены, торбского бога, который любит то же, что и Джунг, ненавидит то же, что и Хунней. Воля их непрекословна. Джунг берет, что хочет!

Стан радостно заулюлукал, гулко заклацали о щиты кривые сабли.

Марх напрягся, Авенира прошиб холодный пот. Не хотелось становиться приятной жертвой для кровавого бога. Пусть даже и готовились к такому – если к смерти конечно, можно быть готовым.

– Белый камень Ралисту, подарок нашего бога, изъявил свою волю. Эти люди – его посланники. И один из них примет участие в ритуальной битве.

Раздались радостные вопли, гоготание, забились медные пиалы. Чыдах возгласил:

– Молодой монах будет биться с Гарудом!

Из толпы вышел рослый, бритый мужик. Круглое лоснящееся лицо, закрученные усы, каждый кулак размером с небольшой арбуз. У Нира пересохло в горле.

Марх наклонился к юноше и с азартом прошептал:

– Это твоя первая настоящая битва! Легко завалишь этого жирного кабана, даю ногу на отсечение. Ты – его худший кошмар.

Чыдах тем временем продолжал речь:

– По правилам ритуала воины бьются нагими. Бой идет до тех пор, пока один не признает поражения. Проигравший идет в рабство, либо откупается.

Барабаны начали отбивать тревожный ритм. Веселая песнь сменилась грозными восхвалениями бога степняков-кочевников. Хунн ждал. В висках молодого волхва стучало не тише барабанов, дыхание не хотело поддаваться, колени бились друг об друга и как-то очень захотелось в отхожее. Пересилив страх и стыд, Авенир скинул халат.

По толпе прошел одобрителный гул – парень явно тренирован, небольшие, но точеные мышцы блестят от пота, каждая жилка напряжена. Противник оценил вероятную угрозу и первым не нападал. Бойцы медленно ступали по кругу, свет пламени освещал тела – будто два древних зверя готовились к последней схватке. Не выдержав напряжения, они бросились друг на друга. Верзила схватил юношу в каменные объятия, зажал. Раздался хруст костей, в глазах потемнело. Авенир расслабился и выскользнул из тисков, ударил по лодыжкам, стараясь сбить с ног. Гаруд устоял, стеганул в ответ ногой, но лишь взволновал воздух. Юноша уже был сбоку и лупил по ребрам. Хунн схватил парня, что есть мо-

чи, кинул в землю. В глазах пошла радуга, песок забивал рот и глаза, боль пронзила плечо. Авенир сплюнул кровь. Увидел, как с левого боку на него бежит грузный противник. Перевел взгляд – Марх делал какие-то знаки руками. Мужик был уже близко. Юноша резко повернулся и выпрямил ногу. Раздался стон – пятка попала толстяку как раз в межножье, тот сложился пополам. Авенир поднялся, схватил крупного за шею и запустил коленом под дых. И еще раз. И еще. Потом откинул хунна на песок и несильно двинул в кадык ребром ладони – убивать юноша не собирался, да и опасно это среди озверевших степняков. Толстяк захрипел и поднял руку – сдается. Гул толпы стих. Тишину разорвал рев восхищенных голосов:

- Да Гаруда раньше... никто!
- Настоящий торб!
- Он достоин своего бога!
- Знатный кулачник вырастет!

Авенир, покачиваясь, доплелся до Марха и рухнул в свое лежбище. Мальчишки – служки бросились омывали ушибы и ссадины, поить победителя целебным айраном.

- Монах победил – возгласил Чыдах.

Толпа примолкла. Сотни глаз устремили свой взгляд на хана.

- По закону силы, теперь Гаруд будет рабом чужака. За тобой слово, юноша.

Парень собрался с силами и привстал. Хунн валялся на за-

литом кровью песке, жадно хватал губами воздух.

– Мне не нужен раб, великий каган. В твоём стане воин Гаруд пригодится больше, чем в нашем паломничестве – да и не прокормить кочевника. Его страсть к битвам и мирная жизнь в монастыре станут пыткой. Как выкуп, я заберу муравита, что сидит за плетней. Существо это сильное, в походе пригодиться, сможет и воду и деревья таскать. А для вашего дела зверь уж больно вялый.

Хан перекинулся взглядом с мудрецами, усмехнулся:

– Да будет так, монах. Воистину, ты служитель своего бога Бадучены. Пусть продолжится празднование!

Тулай, словно тень, невесть откуда возник перед путниками, почтительно шепнул:

– По указу хана, победители будут вознаграждены. Вас проводят в отдельные шатры, где окажут наивысшие почести.

Скулы Марха дернулись, в голосе чувствовалась сталь:

– Если мы обрели у великого хана благоволение, то хотели бы не разлучаться.

– Воля хана неизменна. Отказ от дара оскорбит повелителя. Если желаете, в шатры будут приведены юноши.

Тарсянин опешил, лицо посветлело и сжатые губы растянуло в едва заметной улыбке:

– Нет, спасибо... Э-э-э, мы предпочитаем не отходить от законов Бадучены. Ну, там плодородие, разрешенный союз, э-э-э, юношей не надо. Подчиняемся воле кагана и Ху-

нея.

Слуга поклонился и исчез среди пировавших. Авенир придвинулся к тарсянину:

– Чего ему надо?

– Хан оказывает милость. Будем сегодня в разных шатрах, со всеми почестями. Ну, там – питье, еда, кальян, развлечения, девушки – сам слышал.

На лице юноши скользнула нервная улыбка:

– Так это же хорошо. А что ты так напрягся?

– Подобное дружелюбие может оказаться западней. Напоят, насильничают и убьют, пока дрыхнем – чтоб задаром воинов не терять. А ритуальная битва скорей всего лишь проверка. Если ты силен, значит я – еще сильнее. Значит – Марх скинул взглядом пиршество, – лучше нас убить быстро и без ущерба для стана. Или яд подсыпят, или шатер подожгут. А могут и на копьях вознести. Вот тебе и дружеская борьба между братишками.

Он откинулся на лежбище и осушил пиалу:

– Отдыхай, Нир. Это может быть наша последняя ночь. Бери от наложницы все, что сможешь.

– Тебе хорошо, а у меня все кости переломаны, брать больно.

Юноша оставил Марха и молча потрусил в шатер. Проходя, кинул взгляд на плетень. Муравит посапывал, три пары лап поджал под себя, глаза-бусины подернулись полупрозрачной пленкой. «Ты уж извини, сделал, что мог» – Авенир

ру до боли было жалко существо. Себя тоже, а еще – страшно. Что там, после смерти? Без роду, племени, к какому он пойдет богу? Но, может, пожалует Фортуний?

Пока следовал за проводником, руки неумело вправляли кости, внутри что-то щелкало, юноша всхлипывал, но лечил. Если не убьют, все срастется быстро, по правилам, ни одна кость не изогнется. Если б умел ладно знахарить, сейчас бы уже ничего не болело. Тропка уткнулась в покрытый лисой шатер. Парень присвистнул. Это сколько же понадобилось шкур? Богато, и впрямь как для гостя. В сердце затеплилась надежда – может и не убьют?

Внутри тускло горели две плоски с жиром, почерневшая смола застыла на деревянных шестах. Надушено корицей, алоем и смирною, ароматы забивают нос, глаза с непривычки слезятся. Проводник поклонился и исчез в темноте степи. Авенир прохромал до подушек и свалился. Ребра болят, плечо опухло и горело, как слюна клеветра. Кожей ощутил волнение тягучего, аки мед, воздуха, но остался неподвижен – что толку дергаться?

Из тени шатра появилась облаченная в алую накидку девушка.

– Отдыхай, мой господин. Я Фатира, подарок великого кагана. Любое твоё желание для меня закон.

Дыхание перехватило. С замиранием сердца парень разглядывал смуглокожую молодницу. Высокая, ноги в кожаных сандалиях, овязывающих до колена. Пояс, увенчанный золо-

тыми цепочками и монетками, округлая чаша живота с маленькой ложбинкой над пупком. Небольшие, острые груди, стройные руки. Лицо худощавое, овальный подбородок, пухленькие, поджатые губы. Пряди волос спадали на лоб, а зеленые, глубокие как озеро глаза, то устремляли свой взор на юношу, то стыдливо смотрели в земляной пол.

– Ты... ты очень красива, Фатира. Я еще не видел такой стройной и статной девицы.

Наложница вспыхнула, на щеках заиграл румянец.

– Поддай мне чашу с маисовым настоем. Растолки алоэ и добавь в пиалу. Нужно наложить повязки со снадобьем на плечо и бок.

– Повинуюсь, господин. Я добавлю тагорский порошок и мумие, чтобы приглушить боль.

Девушка приготовила мазь и натерла опухшие места.

– Через неделю о боли даже не вспомнишь.

– Откуда ты знаешь искусство целительства?

– Нас многому учат.

– Нас?

– Да. Каганат отбирает девушек из полона для заботы о раненых воинах, гостях, в качестве живого подарка князьям. Мы учимся всему – кухне, разговорам, музыке, целительству... любовному искусству.

– Но ты не похожа на хуннку, и я не встречал таких как ты в этих землях.

Фатира горделиво задрала носик:

– В ханском гареме есть девушки для гостей разных рас и культур. Меня привели к тебе по цвету глаз. Боги соделали мир таким, что глаза выдают род, племя. Некоторые волхвы даже могут проречь о семье. Девушек своей культуры хунны не отдают в гарем – они соблюдают чистоту рода, также как и знатные мужчины во время набегов, и сам великий каган. А для гарема хватает «дани» с поселений. Я – дочь Турманских земель.

– Спасибо за помощь, Фатира, уже почти не болит.

Девушка продолжала держать руку на животе гостя, второй поглаживала мускулистый торс. Авенир ощутил прилив тепла в тазу, замялся:

– Я... уже чувствую себя лучше. Думаю, мне нужно отдохнуть.

На глазах наложницы навернулись слезы:

– Тебе не нравятся мои ласки? Я не так выгляжу?

Парень залился краской, в горле пересохло:

– Нет...

Девица вскипела:

– Все вы, вояки, думаете только о себе. Конечно! Что там какая-то наложница... А зеленоглазый гость может еще через десяток лет только появиться. Что ж мне теперь, до старости в девках ходить, под поясом? Или отправят какому-нибудь старому уродливому князю – еще хуже!

Нир сглотнул, затрес руками:

– Нет... Фатира... ты прекрасна, просто я это... ну, нико-

гда...

В глазах наложницы вспыхнули озорные огоньки, уголки рта хищно приподнялись:

– Не переживай, господин. Твоя служанка все сделает сама.

Алая накидка улетела на скучающую медвежью шкуру. Рука Фатиры погасила светильник и обвила шею юноши...

Что-то твердое назойливо толкало Марха в бок. Тарсянин приподнялся, побагровевшие глаза никак не хотели открываться. В ушах гудело, руки дрожали, во рту привкус тарбаганской паленой шкуры. Скорая смерть не пришла за ним – может, побрезговала прикоснуться к упитому в таз телу. По-немногу из пелены появился силуэт молодого хунна, который тупым концом копья раздраженно будил гостя. Юноша осклабился, от пронзительного высокого голоса хотелось зарыться в землю:

– Жив, видать. Так вчера нахлебался, мог и к своему Бадучену отправиться. Твой послушник уже проснулся, ждет на обрядовом привале.

– Молви ему, что я скоро приду.

– Сам скажешь, ты мне не господин.

Марх повернулся, пошатываясь, встал. Набат в голове стихал, тело еще ломило, но дрожь прошла. Что же было?

Память постепенно возвращалась. После битвы паренек сразу потрусил в гостевую почивальню. А сабельщик?

До своего шатра тарсянин дошел не сразу. Завернул в круг воинов, пивал с ними, боролся – кажись, даже кому-то ребро сломал. Хотел посмотреть ханских коней, коими славится каганат, но стража удержала... ага, что же потом? Так, вот он в шатре, темноглазая... как же ее... Лин..на. Отпаивает какой-то горячей горькой дурью... Потом...

Белые пятна вчерашней ночи никак не хотели закрашиваться. «Раз не убили, значит, буду жить, это главное» – сделал вывод сабельщик. Осмотрелся, увидел возле чаши с фруктами портки, оделся. Все-таки дошел до победного – представил себе хунна, узревшего Марха, в чем мать родила, усмехнулся.

«Надо дойти до саат-шатра, облачиться в робу, да отрыть припрятанное оружие».

Вышел во двор. Яркий свет острыми, как бритва лучами, резал глаза и мозги. Солнце стояло в зените. Сабельщик нутром чуял что-то странное, вот только понять не мог, что. Все тихо, воины после вчерашних ритуалов отходят, женщины погнались на водопой скотину. Ладно, чугунок еще не варит, да что чугунок – весь он себя чувствует, как сорвавшийся с горы свин – где тут чутью вернуться.

Дошел до шатра, облачился в робу, приладил клинки к спине. Посох в руку, на ноги сандалии – готов!

Авенир с мулами и шестилапой тварью ждал у привала. Лицо было угрюмым, руки теребили миртовый браслетик. Марх бодро кивнул:

– Почему нас не разбудили утром?

– Чыдаха свергли. Теперь у хуннов другой каган.

Мрак поморщился:

– Вот как. Значит, нас никто не держит, можем отправляться.

Несколько дней путь прерывали лишь для ночлега. Ели, сидя на мулах, изредка останавливались сбегать в отхожее. Сабельщик понимал, что настроение хуннов сродни изменчивому ветру – недаром они дети степи, и старался поскорее отдалиться от стана. Попутчик был молчалив, отбивался короткими фразами и жестами.

Земля стала мягкой. Копыта увязали в словно взрыхленной почве, мулы шли медленнее, трава и деревья куда-то исчезли. На очередном вечернем привале расположились у подножия огромного камня. Марх подсел поближе к юноше:

– Из-за женщины тоскуешь? Как звали-то наложницу?

Юноша вздрогнул. Поднял взгляд, узрел пекшего мясо тарсянина.

– Фатира.

– Красивое имя. И сама, наверное, прелестница? Видал я на своем веку разных фей. Некоторые оборачивались драконессами, хм. Но первая, у меня на родине их зовут «лика»... это след на всю жизнь.

Парень занялся румянцем:

– Расскажи про свою «лику»?

– Я молодым отроком был, может даже помладше тебя годков эдак на ... – сколько тебе, семнадцать? – на пару. Все время проводил или у отца в кузне, или на бранном поле деревянным клинком махал. И влюбился... Глубже озер были очи Вереи, руки мягче свежего хлеба. Но больше всего меня пленил смех. Задорный, как переливистый весенний ручей. Много было пастушек в нашей земле, а запала она мне. На праздник солнцестояния ночью зажигали костры, купались в озерце, бились на кулаках – все как водится, по традициям предков. Пили вино. Не такое, как ныне – раньше оно как сок было, только голову кружило, а аспидом поганым не жалило. Затащил я ее по нашей веселости в хлев. И все. Как крюком в сердце. Ни есть, ни работать, ни спать не могу – Верея лишь перед глазами стоит.

Марх потер лоб, отхлебнул из мехов. Заговорил медленнее:

– Дарил я ей подарки, менестрелей с вагантами посылал, вот только как подменили девку. Взгляд отводит, только меня видит – улыбка сникает. И молвить не молвит – что случилось, не пойму. А потом встретилась мне и говорит: ты меня прости, наваждение той ночью было. Есть у меня суженый, уж второй год меня уваживает, замуж скоро.

Все бы пережил, да суженый этот другом моим оказался. А я ему душу изливал – вот как, мол, она может? Я ей и то, и это, и люблю ее, и жить не могу, и все заработанное на по-

дарки трачу. А он – да ты что, это же пастушка. Да о ней по всему селению слухи ходят, только уличить не получается. Он как ножом по сердцу языком резал, а она будто в холодный омут с веревкой на шее.

С полчаса соратники молчали. Авенир кусок мяса бросил муравиту, тот проглотил, не жуя.

– Так ты из-за нее в монастырь пошел?

Сабельщик подернул бровями:

– И да, и нет. После такого унижения надо было что-то делать. Случись это сейчас, убил бы обоих. А тогда... Пошел наемником к азотянскому властителю – биться с зеленокожими аггами. Это не рыхлые увальни-набы. Крепкие, яростные орки. Еще и умные к тому же. После нескольких лет походов я был еще жив – не нашел смерти. Тогда искать я стал истину. Захотел понять – как же так, что друзья предать могут, обмануть – ни за что. У людей не нашел, отправился к святым. Ходил от монастыря к монастырю. Святые снаружи стремились к истине, а в душах творилось черное и злое. Встретилась мне в бесконечных горах Турмаги обитель Элхои. Там все истинно, но это исключение. Люди по сущности – лгуны. Да и сам я не лучше. Видать натура такая – хоть истина и одна для всех, а вот только правда у каждого своя. То бишь, каждый себя оправдает.

– Я бы убил...

– Кого? Девку?

– Себя убил бы.

– Я хотел, да не смог. Решил не губить из-за падали великого человека. Да и проще надо относиться...

Марх насторожился:

– Тише. Слышишь?

Авенир затаил дыхание и напряг слух. Вокруг шелестело – будто терли друг о друга сухие ветки с листьями. Мулы почуяли неладное, озабоченно замычали, попятились к скале. На тускло освещенной земле то тут, то там вырастали бугорки. Из ямок на поверхность выползали похожие на сороконожек существа. Их привлекло тепло, исходящее от костра. Путникам грозила смертельная опасность – мягкотелые твари питались падалью, но не прочь были отведать и свежей плоти. Марх резанул и откинул нескольких. В темноте раздался чавкающий звук – существа не брезговали никем, жрали своих же. Сабельщик протянул Авениру клинок, сам раскрыл резач. Приготовились к бою. Молодой акудник в поисках спасительной тропки завертел головой. Они стояли под скалой на небольшом каменном плато. Снизу к ним не подкопаются, но вот убежать – герои оказались заложниками огромного пологого камня, защищавшего их от ветра, теперь же ставшего холодным молчаливым тюремщиком. Марх отбросил кинувшуюся тварь, Авенир разрубил выползшую на поверхность. Существ становилось больше. Похожая на волны, кишущая масса напозала. Путники рубили без устали, давили сапогами, оружие и тела покрылись брызгами мутной зеленоватой слизи, мулы забились в тре-

щину. Рубище продолжалось больше часа. Руки прилипли к оружию, тела, лица – все покрылось липкой едкой массой.

Раздался протяжный писк. С камня в самую кучу тварей огромной черной глыбой рухнул муравит. Как по приказу неведомого мага, вся чешуйчатая масса остановилась и стала панически зарываться в землю. Нежданный спаситель носился с радостным кличем, на полном ходу пожирая несчастных, тонкий розовый язык – или хоботок – молниеносно выстреливал в сороконожек, обхватывал, притягивал, жвалы легко растирали хининовую чешую. Хруст, визг, стрекот стояли такие, что – Авенир готов биться об заклад – на три версты все живое проснулось и пугливо вжалось в свои лежбища. Кровавая жральня, если конечно можно было назвать эту мутную слизь кровью, длилась недолго. Все твари исчезли, на поверхности остались только скорлупки, да муравит, дрожа от наслаждения, поедал остатки, всасывал желтоватую студенистую массу.

– Как он их, а, – тарсянин переводил дыхание. Чтобы разбить броню твари, приходилось бить наотмашь, и Марх немало притомился. Муравит же раскалывал чешую, аки бабки лузгают семена тыквы.

Несмотря на ночь и дикую усталость, пошли к ближайшей речушке, отмыться от «следов доблестной брани»...

Муравит сидел рядом. Узкий язык вылизывал пластинчатую шкуру, передние трехпалые лапы скребли гравий. Радуетеся, наверное – подумал Авенир, взглянул на одновремен-

но счастливого и расстроенного Марха. Резач и клинки испещрены зазубринами и теперь годятся разве что для шинки капусты.

– Ты бы, наверное, и нас сожрал?

Марх чистил сапог от слизи. Она уже подсохла и оставляла следы, не желая счищаться даже песком. Авенир, несмотря на все предупреждения, отплыл от берега.

– Не нравится мясо.

Голос был трескучим, с деревянным оттенком. Муравей-гигант спрятал длиннющий язык и вытаращил черные бусины глаз на тарсянина. Сабельщик кашлянул:

– Так ты еще и говоришь. А думать умеешь?

– Трудно понимать, говорить. Гаруд учил, бить много.

Из воды вышел Авенир, облачился в робу. Тарсянин непринужденно бросил:

– Ты знаешь, тут твой монстр после ужина разговорился. Надо было и нам тех тлей пожрать, растарщило бы посильнее хуннской пыли.

Юноша пожал плечами:

– Ну, они вообще могут издавать звуки, но не думал, что наш молвит. Это хорошо, учить будет проще.

– Ты ему скажи, чтобы держался от меня, а то я ж его с перепугу рубану.

– Жаль твой ножичек. У него шкура крепче самой лучшей стали.

Глава 9. Тангир

В экспериментальном блоке «Экостарс» разрабатывались новые генотипы. Кайрат Хеминс бродил по узким светлым коридорам и изредка задавал вопросы работавшим в лаборатории практикантам. Он остановился возле бассейна с существом, внешне напоминающим крота, только размером с крупного дога.

– Что это за образец?

– Модель РЗ-03. Рыхлитель.

Молодой светловолосый парень поправил очки и подошел к стеклу:

– «Крот» предназначен для изменения верхнего земного пласта до глубины порядка тридцати метров. Мы полагаем, что после сдвига литосферных плит на многих островах образовалась вулканическая корка. Она очень плодородна, но больше напоминает камень, нежели почву. РЗ имеет плотную шерсть и толстую шкуру, защищающие его от травм.

Директор рассматривал существо:

– Эти... «пальцы» похожи на лопаты.

– Острые и плотные когти. Прямая форма нужна, чтобы не застревать в глинистых слоях. Идут сразу из кисти, пальцы для жизни этой модели не нужны и даже вредны – так называемая травмоопасность...

– Узких частей тела. Я понял.

– Сейчас идет разработка и настройка пищеварительной системы животного. Свои сложности. Питаться корнями ему нежелательно, уничтожит полезные культуры. В земле не так много живности, а охотиться на поверхности как хищник он не сможет – неповоротлив и почти слеп.

Хеминс отошел от стекла.

– Вполне гуд, Сартмес. Работайте в этом направлении. Возможно, вам удастся разработать экономную и эффективную систему питания. Это может стать большим бонусом для работы всего отдела разработки существ. А также неплохим шагом по карьерной лестнице.

– Вы все хорошо пояснили, герр Кайрат. Изучение идет полным ходом.

– Как идет работа у господина Диптрена? Насколько мне известно, вы с ним в одном направлении работаете?

Светловолосый поправил очки, смахнул прилипшую ко лбу прядь.

– Нет. Диптрэн перевелся в блок ландшафтного проектирования и исторической синхронизации. Он разрабатывает составы почв, пригодных для выращивания культур, произраставших в период до первой волны. И, в свободное от работы время проектирует исторические зоны для Музея Прощлых Веков.

– Спасибо, Сартмес. Пожалуй, я отыщу время посетить Диптрена. Хорошего дня.

Тангир радовался покупке. С трудом найденный седовла- сый трегонадский кузнец свое дело знал прекрасно и ята- ган, нареченный Кото, стоил уплаченных золотых. Работа шла три месяца. Случайно обнаруженный караваном сплав – черный металл, обработке никак не поддавался. Да и рубин (не простой – заговоренный), украденный хитрым купцом, к навершью прилаживался неохотно. Результат оправдал все усилия. Тангир пил с друзьями чай, показывал свой ятаган, а вечерами подолгу вертел его в руках и рубил тренировоч- ные куклы.

Однажды в деревеньке умер младенец. Его нашли в опу- стевшем колодце, тело было искромсано в мелкие куски. Об- винили мать – Верею. Та давно кормилась подаянием, око- лачивалась по тавернам, жаловалась на тяжелое бытие и это- го тролля, который ей поломал жизнь, что б его лихорадка... На общем сходе решили, что в пьяном порыве, одержимая схватила тесак и...

Потом убили юродивого. Ироньги его звали. Об этом да- же и сход не созывали. Руки и лицо у него и так всегда были в шрамах. Как добирался до острого, обязательно себя резы- вал. Молвил, что это жертва для богов и его защита от духов. Только в последний раз слишком глубоко кольнул он себя в бок. И по всей околице тянулся несмываемый кровавой след.

Купцы с городским соорудили на всяк случай тревожный колокол. Прочесали дома. Пустили собак. Утопили двух ведьм да старого вора в темницу кинули. На том и успокоились.

Оставалось несколько часов пути. Мулы бежали веселей, хватая на ходу зеленеющую траву, муравит семенил за ними. Авенира оставила хандра и юноша прикидывал, как приспособить седло с уздой на необычное для тех мест существо. В зверобытной науке он читал и не про таких тварей – не думал, что когда-то их увидит. Двенадцать лет в стенах Академии стерли в его сознании разницу между обычными и чудными зверьми – все они были лишь картинками с описанием. Зато Марх не переставал удивляться. Он осматривал муравита, со смущением расспрашивал Авенира о звере. Тарсянин не привык выказывать незнание, но интерес к странной твари пересиливал.

Вот и сейчас сабельщик не удержался и задал вопрос.

– При битве, когда мы тварей тех давили, твоя живность сказала, что не любит мясо. А кем он питается?

Авенир посмотрел на соратника, ответил средоточенно, ровно:

– Муравиты живут колониями и выращивают слизней. Жрут их и их «молоко». Они типа крестьян наших. Только подземные.

– Ну а этот почему один?

– Выгнали наверное. Может, выполз на поверхность ночью и ускакал на сороконожек охотиться. Без разрешения. Когда под утро приковылял, не пустили. Скитался, да видимо его классорсиз... земляной змей, вроде того, которого Халил выдаивал. Принял за антилопу. Ясно, прокусить чешуйчатую шкуру не смог. Но пожевать мог, да отравил сильно. Муравита Гаруд нашел, выходил, учить стал.

– Что ж не убежал, когда отбивались? Умный же?

– Дома у него нет, скитаться одному опасно. А с нами вроде как повольней. Да и рабство их род принимает. Пока не отпущу с клятвой, никуда не пойдет.

– Вон как, значит еще и честный.

– Они такие. Делают, как положено, врать и юлить не умеют.

За холмом показалась башня Глинтлейского замка. На пике развевалось имперское знамя, по черепице то и дело прогуливались залетные птицы. Через пару часов подошли к городским воротам. Марх двинул в дверь дорожным молотом, в ушах загудело. На стене замаячил остроконечный шлем. Хриплый голос часового гаркнул:

– Чего надо?

– Мы – двое из квеста. Принадлежим имперской рати. Сообща Тиннейри, а пока открой дверь да предоставь казарму – отдохнуть бы надо. Посмотри в постовых записях, там про нас должно быть. Марх и Авенир. Месячной давности.

Голова в шлеме исчезла. Прошел час, а врата так и не от-

крывались. Марх постучал. Потом еще. Никто и не думал показываться. Тарсянин побагровел и стал колотить, что есть мочи. На стене засутились, высунулась знакомая голова.

– Чего надо?

– Слушай, мы сказали ворота открыть, да главного позвать.

Рядом с копытом мула в землю впиалась стрела. Из бойниц показались арбалеты.

– Приказано гнать вон. Убирайтесь. Иначе прямо сейчас к богам отправлю. Хватило же таким псам наглости в Глинтлей вернуться?

Авенир снял капюшон, поднял голову.

– Откуда такие вести? Мы были в соглядатайстве у хуннов, а нас к вероломам причислили?

– Знаем мы такое соглядатайство. Пойманный убийца раскрыл планы кагана. Вы его шпионы. Записки обнаружили. Тиннейри лично допрашивал. Приказал не впускать и не убивать... без причины. Велел передать пожитки. А теперь убирайтесь к своему хозяину. Хан всегда кинет кость своим шакалам.

Засвистело. С высоты камнем рухнул сверток. В нем было несколько одежд, пара клинков и небольшой сверток с медяками. В землю впиалась еще одна стрела, предупреждая, что разговор окончен. Путникам не оставалось ничего другого, как только собрать скарб и развернуться. Отойдя на несколько верст, разбили лагерь в ближайшем леске.

Юноша задыхался от обиды. Костяшки пальцев побелели, кулаки сжаты, на глазах навернулись слезы. Марх безразлично, будто того и ожидал, пожал плечами:

– Стоило предугадать такой ход. Я никогда особо не нравился Тиннейри, да и воеводы не жаловали. Это еще мило- стиво. Или у кагана убьют, потеряв с десятка три хуннов, или так по миру пустят. Жаль только оружием, много там у меня добра было. Видать и стражи в тюках порылись. Как еще медяки не нашли?

– А меня-то за что? – парень справился с накотившими чувствами.

– Вестимо, – тарсянин присел, аккуратно извлек из грунта стрелы, – если я шакал, то ты мой щенок. Чего зыркаешь? Не зря же тебя столько муштровал.

Воин с силой потер переносицу – юноше показалось, что у того глаза повлажнели. Взгромоздились на мулов. До Авенира донеслось тихое бормотание.

– Печально. Такая коллекция. Всю жизнь собирал.

Вечерело. Авенир в одиночку ушел на охоту, оставив сабельщика присматривать за пожитками. Марх согласился без лишних споров – надо дать парню развеяться. А то за один квест потерять и «любовь» и службу – это много. Ему то что – цейхгауз, конечно, жалко, но на долю мужчины и не такое сваливалось – не пропадет. Хочешь – молитвы читать может, а захочет – в наемники подастся. Для такого

только два пути – или грешить убийством, или грехи замазывать.

Парень вернулся, когда солнечный свет сменился загадочным сиянием лун. Тащил, запыхавшись, косулю. Пот катился градом, весь перемазанный, аки боровой лешак с бодуна. Марх помог разделать, насадил на вертел толстые куски. Через час, уже позабыв про случившееся, мужчины всю уплетали ароматное мясо.

– Ты то, рекрут, чем займешься? Все, свободная жизнь пришла.

Авенир оторвался от жареной ноги, утер перемазанное жиром лицо. Вспомнил разговор со старухой, таверну. Прожевал кусок:

– А, Бадучен его знает. Или кто бы там ни был. В деревню не пойду, спокойная жизнь не по мне – это точно. Буду скитаться. Лекарем стану, волхвом, акудником. Может чародейству какому обучусь, если наставника найду.

– Пойдем со мной. В одном селении жил колдун, старый, правда. Тебе для начала сгодится. Да и я друга повидаю.

На пепелище догорало последнее поленце. Марх затоптал огонь. Мулов и муравита (юноша наспех соорудил перевязь) привязали к кольям и улеглись спать.

Разбудило сабельщика невнятное бурчание. Тарсянин, морщась от назойливых солнечных лучей, обозрел местность. Чаровник сидел под деревцем, теребил лазурит. Мулы паслись неподалеку, муравит нежился на солнышке, длин-

нющий розовый язык метко хватал мух, шмелей, стрекоз. Марх разжег костер, достал лепешки и мясо. Когда юноша подошел, завтрак был готов.

– Кому молился?

– Не знаю.

– Это как так?

Авенир взял жареный кусок, тронул бровь.

– У меня трактат древний, там про первого бога сказано.

Вот ему и молюсь.

– Нирому что ли?

– Нет, Нирому признавали мидасы. А тот, который в трактате, он... до всего был. Создал все вообще. И... отличается от всех богов, о которых я слышал. Там говорится, что мы, ну... в общем, как дети его, а он – отец и учитель. Его народ обладает силой повелевать природой, а природа даже магии поддается с трудом.

– А, ты о Высшем.

Авенир кинул взгляд на Марха. Надбровные дуги поднялись, дыхание стало чаще.

– Да, наверное. А что ты знаешь об этом?

– Немногое. Высшего еще называют Творцом, он могущественен, но не проявляет своих сил без особой причины. Может быть, в этом есть особая мудрость, но популярности явно не прибавляет. Поэтому его забыли, обратившись к... более «отзывчивым» богам. Этому же богу поклоняются в монастыре Элхой, в горах над Турманским царством.

– Есть какой-то способ узнать его волю?

Воин молча дожевал пай, встал, гребанул сапогом землю на почти затухшие угли:

– Пора отправляться, пока Тиннейри не сменил милость на гнев и не послал за нами ловчих.

Солнце палило нещадно. Путники оголились до пояса, оставили лишь портки. Юноша искоса рассматривал на спине Марха кривые белесые полосы. От плеча до тыла проходили кривые дорожки шрамов. Еще было много мелких и тонких, как будто соломинок накидали. На лопатке черыми линиями располагался Велесов круг – видимо, метка монастыря. Крупные соленые капли, стекая со лба, заливали глаза, мешали зреть – приходилось смахивать их ладонью, и все равно терпеть зудное щипание. Каждый порыв ветра обдавал жаром, как из печи кузнеца, дышали медленно, через тряпицу, стараясь не обжечь легкие. Смочили в ближайшем ручейке повязки, замотали головы. Через часа три пути за холмами показались домики. Проплывали мимо поля ржи – спелые колосья набухли, согнулись под тяжестью зерен. Еще неделя и начнется жатва. Было на удивление тихо – ни крестьян в поле, ни девиц-хохотушек. Не было и детей. Даже собаки не выли. Куда все исчезли, думал Авенир. Может на ярмарку подались? Али циркачи приехали. А что, даже собаки на такое соберутся – где люд, там и еда.

В самом селении было поживей. Да уж и не селение, а почти городок небольшой. Несколько домов стояло из камня,

по дорогам проезжали повозки с товарами, стояли лавки. Путники спешили.

В нос ударил резкий запах пряностей, рыбы, сладостей. Шли по базарному ряду. Он сильно отличался от тех рынков, что были в Глинтлее. Как-то тихо все, нет гвалта, беготни. Потянулись лотки с кожей и оружием. Марх подошел к кузнецу, крупному нескладному детине с грубыми, черными от сажи руками, лысому и с пышными рыжими усами:

– Как имя тебе, железняк?

Мужик исподлобья посмотрел на окликнувшего. Хотел было послать на корм свиньям, но заприметив шрамы, решил не пытаться судьбу.

– Кривдын меня кличут. Тебе чего – меч купить хочешь, али кинжал? Есть и кольчужки-легковески с щитками.

– Отчего у вас, как в могиле, тихо? Баб что ли увели?

– Жреца три дня тому в храме убили. Зарезали. Он последний, кто проклятие сдерживал, а теперь все. – Кривдын провел большим пальцем по шее. – Еще и обе луны полными через два дня станут, точно все преставимся. Нечисть то в полнолуние совсем безудержная. Купцы, да кто из помещиков позажиточней – выехали все.

– А ты чего остался?

– А куда мне? Кузню не брошу, да и от Ригура не уйдешь. Этот одержимый каждого рожденного в этом селе убивает. Ладамир – жрец держал проклятье несколько лет, теперь эта тварь в ярости всех задерет.

Марх посуровел. Демон в человеческом теле, еще и в полнолуние... Обезумев от крови, за ночь вырежет всю деревню, потом и до других доберется. Наклонился к кузнецу поближе, с опаской – предосторожность будет не лишней.

– Где дом Тангира?

– А, купца. Вот – детина ткнул обрубок пальца – по дороге прямо идите и там, за площадью каменная хата в три роста. Шли бы вы отседова, головы не сносить.

– За два дня мы от демона далеко не сбежим. А без жреца вашего и ночи не протянем. Читать умеешь?

Кривдын покраснел, презрительно пыхнул:

– Да я ж кузнец. Мне то и без грамоты! Я две зимы к лекарю ходил, склады учил.

– Хорошо. Тогда вот тебе... берестка, на ней все, что нужно достать. Если после полных лун живы будем, сам утром плату отдам.

Мужик пробежался глазами по загогулинам, лицо вытянулось. Изумленно глянул на Марха, тарсянин был непроницаем.

– Непросто. Да ты же... Что удумал? Ну, ежели спасешь... Так я тебе все. Достану, к завтраму достану, ей богу.

Палати купца светились вычурностью. К дверному входу поднималась резная мраморная лестница, бока ее украшали перила с выточенными львами. Четырехскатная крыша не деревянная, не жестяная, а из настоящей черепицы, на венце красуется кованый медный флюгерок-рысь.

– Эй, жив ли Тангир, мошенник? Должок за ним, голову сечь пришли.

За дверью послышались шаги. Раздался скрип засова, высокий хриплый голос пригласил:

– Входите.

Путники прошли внутрь. Гостевая убрана богатыми коврами, с картин улыбаются расписные красавицы, кедровые столы и кресла – работа искусного мастера. Авенир услышал шорох, обернулся. Марх уже катался по ковру, сцепившись с рослым, смуглым мужчиной. Через десять минут сабельщик лежал на лопатках, напавший придавил сверху – оба ржали во всю глотку. Приветствие обошлось без жертв, если не считать пары разбитых стульев, да подбитого глаза.

– Рад видеть тебя, друг. Ты с повесой?

– Может, слезешь сперва? Явно не комарик, пузо отъел, как брюхатая медведица.

– Конечно, конечно. Тебя ж комар и не заметит, отошлал то совсем. Оставайтесь на обед, а то денным ветром унесет.

– Хорошо. Только и животинку нашу приюти. Мулам овса, а неведомому зверю – лягушек с пруда, иль капусты с хреном. В цирк изловили – для представлений.

Обедня получилась знатной. Бледный мальчик-слуга вынес жареного гуся, кашу, и странные, желтые фрукты – как сказал Тангир, апельсины.

Не успели обглодать птичку, поднесли новый жаровень.

– Это что? – осведомился Авенир.

– Попробуй, – прогремел Тангир – это зверь, что живет в дальней стране Иоппии. Он огромен и зол, вместо носа у него растет длинный хвост, через который он дышит, а изо рта выпирают две костяных сабли. Его очень трудно поймать из-за чуткого слуха, ведь уши у этого чудозверя размером с этот стол каждое.

Юноша обмакнул резаный пласт в намазку и опустил в рот. Что-то зажгло, зашипало, по глотке в желудок спустился огненный комок. Прошибло слезу, во рту бушевал горящий вихрь.

– Вот, вот, – купец загоготал, – мясо то как мясо, но приправа!

После отдыха Тангир повел их в арсенал. Авенир рассматривал ножи ручной работы, кистени, палицы, сабли, щиты и копья. Марх тоже смотрел, иногда брал вещицу, примерял к руке.

– Это еще что, – возбужденно, почти шепотом, выпалил хозяин – есть у меня ятаганчик, мастера долго выделявали. Материал искал больше года, стран поисколесил...

Тангир подвел гостей к комнатке, достал ключ, открыл потайной замок. Дверь, скрипнув, отворилась. На кедровой подставке красовался ятаган. Черное лезвие переливалось на вечернем багряном солнце. На клинке поблескивала гравировка. Рукоять обмотана телячьей кожей, в бронзовое навершие вставлен красный камень.

– Вот, эту сталь я нашел на драконьих островах, в дымя-

щей горе. Путь к нему мне указала падающая звезда. Кузнецы месяц принаравливались к металлу, ковали, закаляли, точили. А камень – это рубин, колдуну тому отдал несколько повозок золота, разорился. Старик тот сказал, что булыжник обладает магической силой, но он не смог ее раскрыть.

– Позволишь?

Марх смотрел не отрываясь, будто зачарованный изучал каждую деталь, каждую ямочку и каннелюрку.

– Только для тебя.

Тарсянин взял, взвесил, пощупал лезвие большим пальцем. Медленно, нехотя, отдал купцу.

– Да, вещь дельная. Забери, а то приберу к рукам, не заметишь.

Тангир улыбнулся.

– Я бы на твоём месте тоже не отдал. Этот ятаганчик – как часть меня. Каждый вечер деревяшки рублю, чтобы руки не отвыкали. Оставайтесь погостить недельку. Простолоудины пускают слухи об одержимом, я им не сильно верю – но через день полнолуние, лучше вам скрыться у меня. Мало ли, в пути какая тварь приметит, или навья пристанет. Моя крепость надёжна, а стали – на всех перевертов хватит.

– Спасибо, друг. Остались бы, но долг зовет, с цирком уговор. До следующего вечера погостим, а под полнолуние отправимся. По пути храм, там схоронимся – на святую землю нечисть не позарится.

– Это да, конечно.

Голос купца звучал серьезно, немного отстраненно:

– Но, все ж, жрец не укрылся.

Паж провел гостей в просторную комнату. По углам стояли не топчаны – кровати, устланы перинами с шелковыми, набитыми гусиным пухом, подушками. Через разноцветную слюду солнце рисовало на стене сложный мозаичный узор. Пахло выпечкой и корицей. На столе возвышался графин с чистой водой, поблескивали два хрустальных бокала.

– Дорвался Тангир до богатства, – проворчал тарсянин, – даже в Глинтлейском дворце таких убранств нет.

Одеяла с подушками из уважения другу сложили в угол (так бы выкинули к чертям – не привычны пуховые покои), разместились на оголенных дубовых полках.

Утром Авенир долго приходил в себя – голова налита свинцом, в глазах песок, руки-ноги ватные. Всю ночь не мог уснуть – Марх ворочался и стонал, видать снилась битва, или тварь, которая ему спину подрала в лохмотья. Ладно бы в карауле стоять, дежурстве, или блиц-атаку отрабатывать – нормально, но вот когда только и делаешь, что ничего не делаешь...

На улице тепло и светло – вот только тишина усилилась, какая-то необычная, мертвая. Животных оставили в хлеву, так сподручнее – на одну заботу меньше.

– Разделимся, – путники подошли к центральной площади и сабельщик предложил погулять поодиночке – Встретимся вечером, пойдем на последний ночлег. Ну, в смысле,

в этом городе.

Марх направился в сторону оружейных лавок. Авенир, чуть помыслив, завернул в угол с книгами и травами. Прошелся несколько раз по опустелому базару, осмотрел лоток травника. Так, ничего интересного – пряности, пара лекарственных кусточков. Чем заняться до вечера? Марх, он может один нож рассматривать да пробовать несколько часов, а я? Книжку за день не прочтешь, разве только трактатик, тонкий и бесполезный. Мысли прервал густой женский голос:

– Молодого чародея не интересуют травы. Камешков хотим, свиточков?

Травницей оказалась средних лет женщина, мидийка. Смуглая кожа, полноватая, но еще очень выразительная фигура. Глаза карие, смотрят прямо, прожигая насквозь. У них же по обычаю, женщины должны смотреть под ноги, да и лицо открывать можно только по велению мужа – подумал Авенир. Так, не хватало еще перед бабой струсить. Грудь колесом, спину не гнуть, смотреть прямо, нагло.

– Чем ты можешь заинтересовать меня, ведьма?

Едкая усмешка оголила золотой зуб:

– Прорицательный чародей. Я Хеттура, местная целительница. Ты знаешь о проклятии Витрбаша, но смел и не отступишь. Твоему другу грозит опасность, только ты можешь ему помочь.

– Марх? Откуда ты... Чем можешь подсобить?

– Иди за мной, чародей...

Ведьма скользнула в закоулок. Авенир едва поспевал – перед его взором маячил лишь цветастый плащ женщины. Они очутились в темной комнатухе. По стенам развешаны свитки с письменами, на полках склянки, коробочки, черепа, хвосты, перья животных.

– Сядь.

Хеттура выплыла, казалось, из голой стены. Юноша сел за стол, напротив, в старом драном кресле, устроилась ведьма. Слетела кисея, прозрачный шар тускло осветил хибару:

– Я расскажу, что надо делать, а чем ты заплатишь? Кровью?

Голову дурманил запах гнили и смерти. То и дело представляли образы. В этом месте чувствовалось течение духовных сил. «Близость полнолуния истончает преграду между двумя мирами» – вспомнил уроки Авенир. Глубоко вдохнул, несколько раз сжал кулаки, протер глаза.

– Нет, ведьма. Не прислужник я злым силам. Но, – заметил ярость в глазах гадалки – есть другой дар, не хуже.

Рука потянулась в сумку, нашарила склянку.

– Это – магическое зелье набов.

Ярость в глазах сменилась алчным блеском.

– О да, такая плата вполне подойдет.

Волшебное пойло жабосвинов усиливало человеческие способности. Выпивший его мог не дышать больше недели, раны затягивались молниеносно, появлялась звериная сила

и ловкость. Кроме того, на несколько дней зелье повышало усвоение магических приемов и знаний – за это время можно стать крайне могучим акудником. Вот только набы редко таскают бальзамчик с собой – все хранят в глубине болот – человеку не достать.

– Вот, положи под язык огнецвет. Всю дурь разом снимает, да подлечить может – пригодиться. А теперь обхвати руками камень.

Авенир сжевал цветок, прислонил ладони к мерцающему шару. Женщина наложила руки поверх. Пальцы защипало, по кистям поползли разряды – вместо крови по рукам потек палящий огонь. Юноша застонал и попытался оторваться от шара, но руки ведьмы окаменели – не вырваться. Сознание погрузилось во тьму. Огненные волны накатывали одна за другой, в висках громыхало, перед тем как отключиться, увидел ветхого старикашку. В пигментных пятнах лицо, седая борода и острые огромные уши. Видение просверлило парня молящим взглядом и Нир услышал трескучий протяжный голос: «лосиные жилы... жилы найди. В них ваше спасение...»

Глава 10. Ригур

Марх наблюдал из-за угла, как Авенир скрылся в одной из тесных улочек Витрбаша. Усмехнулся. Парень проведет день среди книг и травок. Пусть отдохнет, а ему делом заняться надо. За двадцать лет поселок превратился в городок. Хибары сменились добротными домами, появились новые улицы, вместо пыльных дорог сияли каменные мостовые – но, несмотря на это, тарсянин мог поклясться, что ничего не изменилось. Вело чутье, которое бывает у каждого странника, пришедшего после многих лет скитаний в родную землю. Вроде бы все сменилось, людей уже тех нет, а сердце ведет по памятным местам. Вот ручеек, где плескались с друзьями, вот стоит кедр, которую отец посадил на рождение сына – помнил ее маленьким росточком, а сейчас уже рослое дерево.

Воин дошел до лавки кузнеца. Тот заговорщически поманил за собой, повел в кузню. Марх следовал за детиной, не запоминая дорогу, зная, что сердце выведет, отыщет путь. Зашли в кузню. Помятый Кривдын достал сверток, развернул. В ветоши лежало два меча, около десятка метательных ножей, наруч с когтями и браслеты-запястья.

– Всю ночь ковал. Пришлось других кузнецов звать, сам бы не управился.

– Конечно.

Марх кинул взгляд на ютящиеся в углу пустые бутылки, в кузне витал перегар – не то, что человека – быка с копыт свалит:

– Ты, видать, не знаешь, что винный дух сталь портит? А мне надо, чтобы крепчайший металл был.

И без того красное лицо кузнеца зардело, глаза выкатились, стал захлебываясь, оправдываться:

– Так это ж не винный дух. От мамынского вина, ессно, не жди ничего ладного. А у нас-то... первач... пшеничный. Он ведь стали силу придает... как это... гх, дракону хороший баран.

– Нескладно у тебя врать получается. Возьму, все равно по новой переделать не успеем. – Тарсянин протянул мешочек с серебром. – Если задуманное удастся, оплачу все. А нет – сам по новой луне продашь.

– Хорошие клинки, все по старым схемам делал, только вот запястники непросты, мудрили долго.

– Ну, не поминай лихом, Кривдын. Даст Высший, свидимся.

– Даст, как два пальца по наковальне. С таким оружием хоть на адовых псов...

Тарсянин покинул кузню и околицей прошел на площадь. До встречи с юношей оставалась пара часов, и нужно было, до смерти нужно было успеть. Площадь выложена все тем же зеленоватым, квадратным камнем. С юных лет Марх дивился – как в их селении, где на домах крыши соломой крыли,

площадка из камня? Говаривали, что на том месте раньше приносили кровавые жертвы богине Мокошь. Воин обошел площадь кругом, припоминая шаги и направления. Осмотрелся – никого. Пригнулся, вставил нож между камнями. Аккуратно – не обломать бы лезвие, – скрипя зубами, приподнял один из них. Под зеленым стражем находился тайник – место, которое маленький Марх никому не показывал. Он заложил в пустоту сверток, закрыл камнем, накидал землицы. Вдалеке послышался стук каблуков. Авенир подошел, немного бледный, задумчивый.

– Ты что невесел, сокол? Книг умных начитался? Иль дурман-травы перенюхал?

– Да я это... Ну да, перечитал. Так увлекся, что даже не поел. А еще в этих лавках пыли... Надышался – не дурман-травы, но пробирает не хуже. Ты как?

– Я в оружейню ходил, да в кузню наведался. Прикупил у мастера ножичек – ну так, рыбку, мяско, да головы тамильские резать. Пошли к Тангиру, может больше поесть и не удастся.

За столом сидели молча, шутки не шли, изредка перекидывались словцом.

– Завтра полнолуние.

Тангир откинулся на кресло, ковырял в зубах. Сытый взгляд блуждал, иногда останавливаясь на тарелке, пальцах, картинах; потом снова скользил по поверхности стола, перебегал на лица гостей, спрыгивал на пол и никак не мог найти

себе пристанища.

– Точно пойдете?

– Да, есть уговор. Иначе хозяин цирка шкуру снимет, ему до смерти животное нужна.

Марх жевал куропатку. Мелкие косточки не выплевывал, разгрызал и проглатывал – зачем из-за такой мелочи прерывать удовольствие.

– Мой дом для вас открыт. Если надумаете, приходите до захода солнца – схороню. После – никому не открою. Как сказано древними – не до жиру, быть бы живу. Если что нужно в дорогу, просите, не обеднею. Ятаган не отдам, это для меня, хм... святое.

– Спасибо, Тангир. Мы от тебя ничего не желаем – не то, чтобы не нужно, да в дороге лишним грузом будет. Вот только...

Марх немного подумал. Посмотрел на Авенира. Тот поглощал кашу – без аппетита, словно зачарованный – явно не расположен к разговору.

– Дай нам горшочек с редким маслом. Как его, которое из корня пескорлии добывают. Очень уж вкусное, будем кролей им поливать.

Купец оскалился:

– Даже бровью не веди. Отолью по-дружески. Эй, Жмых – слышал про масло? Вот и двигай. А юнец твой чего пожелает?

– Да не надо ему. Книжек начитался – теперь месяц, как

лушь под укропом – ни слова, ни взгляда. Ему и так весело.

Утром оседлали мулов. Через несколько верст свернули в рощицу, Марх остановился.

Авенир удивленно посмотрел на друга:

– Ты чего?

– Нельзя нам уезжать. Должок не отдал.

– Так отдай, пока недалеко еще.

– Не сейчас. До вечера выждем. Как никого на улице не останется, вернемся.

– Почему это никого не останется?

Марх вспыхнул:

– Ты видать совсем своими молитвами и травами мозг в уборню спустил.

Осекся. С виноватой ноткой продолжил:

– Не принимай к сердцу, переживаю. Народ проклятья боится и не то, что к полночи – к закату схоронится в домах. Давай, пока привалимся, скажу чего надо.

На землю спускалась ночь. Последние лучи раскрасили небосвод багровым, похолодело. Противно жужжал гнус, на пруду поквакивали жирные ленивые лягухи. На небе высыпали звездочки, показалась луна.

Демон жаждал крови. Коснувшийся артефакта должен умереть. Посягнувший на круг Мокошь сгинет. Двуногие твари не смеют осквернять храм войны.

Ветерок донес запах крови. Из гортани вырвался хрип. Хранящий был голоден и зол. Жажда смерти влекла, аромат человеческой плоти дурманил сознание. Охота началась.

Авенир после недолгих уговоров скрылся в пустовавшей неподалеку хибарке и наблюдал оттуда. Марх был готов. По всей площади были разложены шипы. Тело лоснится от масла, на поясе висят ножи, руки в браслетах, левая судорожно сжимает меч. Из-за костяшек на правой руке выглядывают тонкие иглы – чуть загнуты, чтобы ранить сильнее, но не настолько, чтобы застревать в плоти. Подобные когти и запястники врага он оценил по достоинству, во время путешествия по Желтому острову.

Заметил крадущуюся в темноте фигуру. Одержимый почувал тарсянина и тот, не в силах оттягивать схватку, вышел на Зеленое Плато. Оголенный торс сиял в лунном свете, мышцы взбугрились, горящий взгляд и ритуальный окрас делали воина похожим на пробудившегося бога войны.

– Выходи демон. Нам предстоит биться и проклятие Витр-баша будет снято. С этого места из нас живым уйдет лишь один.

Из тени вышел титан. «Схватка будет знатной» – Марх по достоинству оценил противника. На две головы выше, жесткая рыжая щетина покрывает узловатое тело, на ногах, плечах и голове вздулись канаты вен, в руке сияет охваченный пламенем черный клинок. Злобные щели глаз вцепились в Марха, из пасти раздавался низкий рокот.

Тварь кинулась первой. Воин уклонился, оттолкнул оборотня, метнул вдогонку кинжалы. Один из трех слегка задел чудовищную ногу, одержимый повернулся, загоготал.

– Ригур удивлен мастерством. Не встречал еще таких прытких. Будет приятно убивать тебя.

Марх запустил припрятанные кинжалы и бросился в атаку. Огненный клинок срезал саблю как ивовый прутик, но тарсянин – словно к этому и готовился – зацепил обрезком руку и, что есть силы, толкнул плечом в дых. Монстр отступил и взвыл – лапа попала на шипы, те вошли в злобную плоть на цельный юнит. Воспользовавшись секундным ослаблением, сабельщик хватанул запястником клинок, дернул со всей силы – ятаган отлетел – и стал что есть мочи лупцевать тварь по бокам. По торсу чудовища потекли тонкие темные струйки – стальные иглы обломились о гранитные ребра, но шкуру располосовали-таки в лохмотья. Демон хватал Марха, но тот был скользок как угорь (пригодилось Тангирово масло). Ригур набросился на воина, сумел придавить. Когтистые лапы мелькали стремительно, градом обрушиваясь на сабельщика. Тарсянин сопротивлялся, глаза засветились яростью, боль куда-то исчезла и он, даже не пытаясь защищаться от ударов, просто бил не глядя. Схватился за шею твари. Глаза едва открывались, задыхаясь под навалившимся чудовищем, Марх нащупал что-то твердое. Чувствуя прилив сил, сделал рывок и... опрокинул монстра наземь. Теперь он прижимал к холодным камням врага, руки сжимали рукоять

ятагана, черное лезвие лежало на шее демона. Существо под ним взвыло. Воин чувствовал, как ярость заполняет тело – пелена затуманивала взор, в навершьи рукояти зловеще сиял рубин. Его сила станет моей... Я стану величайшим воином мира... Демон будет служить мне...

Воин смотрел на слабо сопротивлявшегося бледного полного мужчину. Душу рвало на части.

Навязчивый голос шептал: «Убей. Останови проклятье. Подчини демона своей воле».

В воздухе просвистело. Авенир, выбежав из укрытия, накинул петлю на руки тарсянина и пинком выбил ятаган. Сила сабельщика испарилась, тело задрожало. Голос внутри шептал «убей... смертные не смеют... воспользуйся силой».

Марх мотнул головой, смахнул наваждение, посмотрел на поверженного врага. Под ним дергался истерзанный Тангир, жалобно стонал. Сабельщик наотмашь ударил связанными руками.

– Это тебе за Верею.

Юноша для сохранности, связал лосиными жилами обоих, всыпал в глотки перетертый огнецвет. Пока раны затягивались, обвязал жилами и ручку ятагана. Тарсянин гневно выругался:

– Отпусти меня. Я в здравом уме. Ты не говорил, что свяжешь меня.

– Ты тоже не говорил о Тангире. Заночуем в хибаре, а утром освобожу. Так безопаснее для всех. На ятагане про-

клятие, пока не снимем, буду начеку.

Не обращая внимания на ругань Марха и стоны купца, Авенир затащил их в полуразрушенный сенник. Ятаган обернул для верности в сукно, и схоронил в тайничке. Присел, глотнул из фляги травного настоя. По лицу тек пот, дышалось тяжело – весили мужчины немало, а тащить надо осторожно, мимо раскиданных шипов, стараясь не поранить – все ж отпускать утром придется.

– Эх, ну и ночка. Лягу, пожалуй, у входа. Так вернее будет.

Утром, глаза на кровавые следы, к хибаре стеклась толпа. Перешептывались, спорили, выжидали. Вздрогнули от неожиданности – старые петли сарая не выдержали удара – дверь с грохотом рухнула на камни. Вышли трое – один больше другого. Первый невысокий, но крепко сбит, оголен до пояса, смуглый торс блестит от пота. На теле виднеются свежие царапины, ссадины, лицо в синяках, глаза мутные, как бывает от приправленного вина. Молодому досталось меньше всего – ни царапины. Он бледен, пошатывается, глаза красные, невыспанные. Третьим был местный купец, угрюм и молчалив. В портках, без сапогов, за поясок вывалилось внушительное брюшко. Весь в мелких, как от сухого можжевельника, порезах, на левом боку несколько шрамов и ссадины, и багровеет пятно в пол-лица.

Марх с ухмылкой глянул на площадь. Все плато покрыто черными сгустками крови, валяются обломки сабли, разбросаны кинжалы. Заметил, что за ночь шипы и клинки, раны-

щие одержимого, проржавели.

– Ей богу, порешил. Точно говорю...

Из толпы, с трудом перебирая ногами выпал Кривдын.

– Не иначе, сила богов с тобой. Ох, спас то нас...

– Сталь твоя никудышная.

Марх ухмыльнулся:

– Говорил ведь, не пей. Поглянь-ка на поляну. Я того демона едва твоими сувенирами погладил – сразу истлели. Пришлось голыми руками за шкурку хватать и аки пацана несмышленного ремнем по мягким местам охаживать. Благо, малец с купцом на подмогу пришли.

Кузнец ошарашено пялился на троицу – то на купца, то на юношу, то на воина.

– Да я... да голову на отсечение даю... Пить – ни в жисть.

– Хватит с тебя два серебряка за усердие. Долг, все-таки.

Марх рывкнул на зевак, голос стал грубым, злым.

– А теперь – разошлись все. Собрались, аки суслики после зимы.

Толпа молниеносно поредела.

Сабельщик обернулся к Тангиру:

– Поведешь нас к колдуну, у которого камушек увел. Да не вздумай юлить, не то все узнают, какой на самом деле из тебя благодетель общества.

Глава 11. Хижина

Узенькая тропка исчезала в глубине чащи. Вековые деревья упирались верхушками в небо, солнечные лучи пробивались с трудом, оборванные и побледневшие. Слева предупреждающе ухнул филин, суетливо просеменил горноста́й. В глаза лезла листва, тонкие веточки царапали по щекам. Муравит то и дело недовольно мотал желто-зеленой головой – смахивал налипшую паутину, слизывал длинным тонким языком-змейкой назойливых гусениц и жучков.

Темнота оборвалась внезапно. Путники вышли на залитый солнцем пустырь. Животные и растения чуждались этого места. Вся поверхность кулиги устилала белые, гладкие камни.

– Прямо лысина Тиннейри, – горько усмехнулся Марх.

В центре пустыря скромно, пытаясь спрятаться, слиться с землей, ютилась ветхая избенка. Бревна покосились, в соломенной крыше прорехи с кулак, от крыльца осталась пара гнилых досок.

– Вот, здесь.

Тангир не подавал виду, что ему боязно – но ладони купца вспотели, голос предательски подрагивал. Двое спешили, внимательно осматривали местность.

– Раньше здесь поле было, а теперь вот лес разросся. И это всего за двадцать лет...

Авенир щурился. Солнце катилось к окоему, после лесных сумерек уходящие лучи резали глаза. Когда очередное облако освобождало огненный шар, перед взглядом на миг возникали красные всполохи. Юноша размышлял, что-то неразборчиво бормоча. «Лес – это точно, вырос из-за колдуна. После смерти вся их сила в землю уходит и та обращается в болото, иль в чашу».

– Надо в ските порыскать. Там книги остались, вещи.

– Место зачатое, не выйдем же.

Тарсянин наморщил лоб, скулы напряглись. Не нравилось ему связываться с магией, а тут еще этот одержимый голос подает – будто и не пленник, а так, за компанию.

– Можешь идти, Тангир. Свое дело сделал.

Купец развернул мула и торопливо исчез в тущобе. Спустя минуту тишину разорвал пронзительный крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.